СЛѢПЫЕ ВОЖДИ.

Четыре момента въ исторической жизни церкви.

Профессора

А. П. Лебедева.

МОСКВА.
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВВИНСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1907.

BV

СЛѢПЫЕ ВОЖДИ.

Четыре момента въ исторической жизни церкви.

Профессора

А. П. Лебедева.

МОСКВА.
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1907.

4306.

Библиотека
Академии Наук СССР
640
37

„Подчиненный народъ привыкъ смотрѣть на поведеніе своихъ начальниковъ, какъ на нѣкоторый образецъ и подражать имъ. Посему грѣхи людей незначительныхъ губятъ однихъ только согрѣшающихъ, а грѣхи человѣка значительнаго и многимъ извѣстнаго наноситъ всѣмъ общій вредъ, дѣлая падшихъ еще болѣе нерадивыми о добрыхъ дѣлахъ". *Св. Іоаннъ Злат.* въ словахъ: *О священствѣ.*

Въ настоящее время происходитъ, какъ нѣкоторые выражаются, переоцѣнка цѣнностей въ сферѣ нашей общественной жизни. Въ этомъ, случаѣ не дѣлается исключенія и для нашей православной церкви. И ея положеніе дѣлается тоже предметомъ критики и суда. Судьи находятъ въ ней много недостатковъ, и эти недостатки указываются не только со стороны, но и самими представителями церкви. Слѣдовательно, въ указаніи этихъ недостатковъ нельзя находить признаковъ враждебности къ церкви: вѣдь, церковь сама разскрываетъ свои болѣзненныя проявленія. Какіе эти недостатки, въ чѣмъ они заключаются, объ этомъ нѣсколько поясненій сдѣлаемъ послѣ.

А теперь пока зададимъ себѣ вопросъ: какъ нужно смотрѣть на тѣ недостатки, какіе обнаружились въ положеніи дѣлъ церковныхъ въ настоящее время? Есть-ли они что-либо поразительное, неожиданное, не мыслимое? Можно ли утверждать, что только въ наше время, при какихъ-то исключительно неблагопріятныхъ условіяхъ, церковь дошла до такого печальнаго положенія? Безъ сомнѣнія, большинство публики, не обладая церковно-историческими свѣдѣніями даже въ ограниченныхъ размѣрахъ, такъ именно и думаетъ. Но думать подобнымъ образомъ, значитъ погрѣшать противъ исторической истины. Церковь въ своемъ историческомъ

бытіи нерѣдко подвергаетъ себя самоанализу съ цѣлію искорененія вкравшихся недостатковъ и леченія своихъ болѣзней. Сколько разъ церковь принималась за это и въ какія времена производила эту, такъ сказать, чистку—на этотъ вопросъ съ какою-либо точностью отвѣчать, конечно, трудно. Мы имѣемъ въ виду очень скромную задачу выбрать лишь нѣсколько историческихъ моментовъ подобнаго рода оцѣнки церкви самой себя, моментовъ[1]) болѣе выдающихся и любопытныхъ для насъ, т. е. для представителей русской церкви.

Мы впрочемъ начнемъ свою рѣчь издалека. Но въ церкви христіанской нельзя найти явленій, которыя не были бы сродни между собою—будетъ ли это родство близкое или не столь близкое. Церковь составляетъ единое цѣлое не въ катихизисѣ только и не въ теоретическихъ представленіяхъ, а въ самой дѣйствительности, самой жизни.

I. Никто не скажетъ того, что времена Господа Іис. Христа ужъ не близки и не сродны намъ. Пока мы христіане, эти времена останутся для насъ незабвенными, будутъ привлекать всѣ наши мысли и чувства. Вѣдь, безъ Христа и Его дѣятельности не было бы и самой христіанской церкви. Мало того: перечитывая нѣкоторыя главы изъ евангелій, можетъ даже казаться, что онѣ какъ будто бы написаны не 18 вѣковъ назадъ, а недавно, въ виду явленій нашего времени. Я разумѣю въ настоящемъ случаѣ знаменитую 23 главу евангелія Матѳея, въ которой заключаются грозныя обличенія Іисусомъ Христомъ книжниковъ и фарисеевъ. Я лично всегда обращалъ особенное вниманіе на эту главу, ибо она поразила меня жизненною истинностію, неоскудиваемою правдивостію.

Начнемъ съ анализа и раскрытія содержанія этой главы евангелія. Но прежде всего, намъ нужно слегка разъяснить вопросъ: почему І. Христосъ, реформируя іудейскую церковь на совершенно новыхъ началахъ—а это было одной изъ задачъ дѣятельности Христа, имѣвшаго цѣлію на почвѣ іудейской церкви создать универсальную церковь, для всѣхъ равно спасительную,—обращаетъ свою рѣчь не къ первосвященникамъ, священникамъ и левитамъ, а къ другимъ

---

[1]) Слово „моментъ“ не значитъ только: мгновеніе, но значитъ главная точка, обстоятельство времени.

лицамъ іудейскаго міра, главнымъ образомъ къ фарисеямъ. Вѣдь, повидимому, не на нихъ, не на фарисеяхъ лежали заботы о благоустроеніи церкви того времени, а на лицахъ священническаго класса. Въ разъясненіе этого вопроса нужно сказать: священство іудейское во времена Христа лишилось руководительнаго значенія: оно было лишь какимъ-то пережиткомъ отъ временъ прежнихъ, завѣдовало лишь ритуальною стороною культа, и въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличалось отъ языческаго жречества. Руководительство народа іудейскаго въ нравственномъ и религіозно-умственномъ отношеніи перешло къ фарисеямъ, этимъ присяжнымъ толкователямъ священнаго закона. Они, фарисеи, могутъ быть названы преемниками прежнихъ іудейскихъ пророковъ. Пророки имѣли цѣлію религіозно-нравственное воспитаніе народа, а по заключеніи пророческаго служенія, фарисеи эту же задачу приняли на себя, но, какъ извѣстно, выполняли ее очень плохо, неумѣючи.

Христосъ называетъ фарисеевъ „вождями“ народа, пусть „слѣпыми“ вождями, но всёже вождями. Они присвоили себѣ „учительскіе каѳедры“ (Златоустъ) и являлись „учителями закона“ (Златоустъ же). Ихъ вліяніе на политическое и религіозное положеніе іудейскаго народа было очень сильно и стало потомъ неизмѣннымъ. Они имѣли очень много приверженцевъ въ народѣ: „друзей въ народѣ“. Мало по малу фарисеи завладѣли синедріономъ, сдѣлавшись его членами. Они достигли такого могущества, что религіозныя дѣла почти очутились въ ихъ рукахъ: всѣ богослужебныя постановленія, молитвословія и жертвоприношенія стали совершатся по ихъ предписаніямъ. Фарисейская партія отмѣнила прежнія постановленія касательно допроса свидѣтелей на судѣ, расторженія брака по разводному письму, праздниковъ и т. д. Вліятельнѣйшіе изъ фарисеевъ затѣняли даже значеніе первосвященника. Если народу приходилось выбирать одно изъ двухъ: выразить ли большое уваженіе знаменитымъ изъ фарисеевъ или первосвященнику, онъ отдавалъ предпочтеніе тѣмъ предъ этимъ послѣднимъ.[1]) Въ евангеліяхъ указывается также не мало случаевъ, свидѣтельствующихъ о высокомъ положеніи фарисеевъ. Видно, что они обладали правомъ отлучать отъ

[1]) Скарданицкаго Г. Фарисеи и саддукеи, стр. 28. 34. 35. Кіевъ, 1905.

синагогъ (Іоан. 12, 42), а это тоже значитъ, что и отлучать отъ церкви. Они обладали властію судить лицъ, нарушившихъ правила нравственности, какъ это открывается изъ евангельскаго разсказа о женщинѣ, уличенной въ прелюбодѣяніи и приведенной ко Христу (Іоан. 8, 3). До ихъ свѣдѣнія считалось нужнымъ доводить о выдающихся случаяхъ въ общественной жизни іудейскаго народа. Примѣръ встрѣчаемъ въ исторіи слѣпорожденнаго, котораго по исцѣленіи, кто-то счелъ нужнымъ представить къ фарисеямъ для допроса (Іоан. 9, 13). Другія черты, рисующія очень вліятельное положеніе фарисеевъ, будутъ указаны сейчасъ. Теперь, мы понимаемъ, почему обличительныя рѣчи Христа обращены главнымъ образомъ къ фарисеямъ. Фарисеи были дѣйствительно вождями своего народа и несли отвѣтственность за его нравственное воспитаніе. Они были почти тѣмъ же для іудейской церкви, чѣмъ сдѣлалась іерархія для христіанской церкви нѣсколько позднѣе.

Обратимся къ разсмотрѣнію рѣчи Господа противъ фарисеевъ, помѣщенной, какъ мы сказали, въ 23 главѣ евангелія Матѳея. Рѣчь эта направлена не противъ однихъ фарисеевъ, но и книжниковъ. Рождается вопросъ: нужно ли отожествлять или раздѣлять эти два класса іудейскихъ передовыхъ людей? Нѣтъ сомнѣнія, эти два класса іудейскихъ представителей тѣсно связаны были взаимно. Книжникъ значитъ: ученый, но и фарисеи относились къ разряду ученыхъ людей. Поэтому всякій фарисей былъ въ тоже время и книжникомъ. Но конечно, не всякій книжникъ обязательно принадлежалъ къ партіи фарисейской. И въ евангеліи иногда книжники отдѣляются. Различіе ихъ иногда указываютъ въ томъ, что книжники по отношенію къ закону были болѣе теоретиками, чѣмъ практиками, а фарисеи наоборотъ. Но Христосъ мало различаетъ однихъ изъ нихъ отъ другихъ. Вѣроятно разница между ними была очень незначительна.

Свою обличительную рѣчь противъ нихъ Христосъ начинаетъ очень торжественно. „На Моисеевомъ сѣдалищѣ сѣли книжники и фарисеи“. Какъ извѣстно, Моисей ни на какой каѳедрѣ не сидѣлъ, а потому рѣчь Христа здѣсь имѣетъ очевидно образный характеръ. Этими словами Онъ хочетъ сказать что книжники и фарисеи сидѣли на каѳедрахъ съ большимъ сознаніемъ своего достоинства, они почитали себя

дѣйствительными учителями народа; но Христосъ даетъ разумѣть, что на самомъ дѣлѣ, они заняли это мѣсто безъ всякихъ правъ, путемъ беззастѣнчивой узурпаціи.[1]) Дальнѣйшая рѣчь Его показываетъ, какъ мало они заслуживали этого высокаго мѣста. „По дѣламъ ихъ, внушаетъ Христосъ, не поступайте, ибо они говорятъ (положимъ и хорошо) и не дѣлаютъ. Связываютъ бремена тяжкая и неудоботносимыя и возлагаютъ на плечи людямъ, а сами не хотятъ и перстомъ двинуть ихъ.“ Здѣсь Христосъ порицаетъ фарисеевъ и книжниковъ за то, что они въ своей жизни не сообразуются съ собственнымъ ученіемъ: слово у нихъ расходится съ дѣломъ. И это въ самой крайней степени. Возлагая на другихъ тяжкія бремена закона, они сами являются какими-то сибаритами. Они не только не думаютъ взваливать на свои плечи тяжесть закона, какъ дѣлали ихъ ученики, но они не находятъ никакого удовольствія даже въ томъ, чтобы пальцемъ пошевельнуть для осуществленія указанныхъ закономъ обязанностей.[2]) Однакожъ они это дѣлаютъ не такъ явно, чтобы всѣ могли замѣтить ихъ продѣлки. Ярко оттѣнить это обстоятельство и беретъ на себя ихъ Обличитель. Принимая во вниманіе ихъ лукавство въ этомъ отношеніи, Онъ характеристично называетъ ихъ „гробами скрытыми, надъ которыми люди ходятъ и не знаютъ того“ (Лук. 11 44). Само собою понятно, что если бы іудеи знали, что имъ часто приходится ходить по поверхности гробовыхъ пещеръ, то ихъ духъ невольно возмущался бы представленіемъ о той мерзости, которая чутъ не постоянно у нихъ подъ ногами. Но если они этого не знаютъ, они остаются спокойны и довольны. Сравнивая же фарисеевъ съ гробами скрытыми, Христосъ срываетъ съ нихъ личину, чтобы всѣ могли знать, что скрыто подъ нею. Но это дѣло не совсѣмъ-то легкое.

Продолжая свои обличенія противъ слѣпотствующихъ вождей народа, Христосъ указываетъ на ихъ суетное пристрастіе ко внѣшнимъ преимуществамъ. Нужно думать, что такое пристрастіе вытекало изъ ихъ неумѣстнаго представленія, что они возсѣдаютъ на сѣдалищѣ Моисеевомъ. Христосъ говорилъ:

---

[1]) Zahn Th. Das Evangelium des Matthäus (Kommentar). S. 640. Leipz. 1903.
[2]) Zahn. Ibid.

„всѣ свои дѣла они дѣлаютъ съ тѣмъ, чтобы видѣли ихъ люди; расширяютъ хранилища (φυλακτήρια) и увеличиваютъ воскрилія одеждъ своихъ.“ Эти филактиріи и воскрилія, замѣтимъ мимоходомъ, въ мысли невольно сближаются съ нашими монашескими клобуками и мантіями, этими суетными отличіями монаховъ отъ остальныхъ смертныхъ. Но что такое эти филактиріи? По русски это слово переведено „хранилища.“ Переводъ этотъ точенъ. Дѣйствительно, это были хранилища, т. е. мѣшочки, въ которыхъ хранились пергаментовыя полосы съ надписями изъ св. Писанія. Такіе мѣшечки носились привязанными ко лбу и къ рукѣ. Въ этомъ случаѣ ревностные исполнители закона лишь дѣлали то, что предписывалъ имъ законъ. Въ книгахъ Исходъ (13, 3—16) и Второзаконія (6, 5—9; 11, 13—21) дѣйствительно внушается евреямъ носить такіе амулеты. Что касается надписей изъ св. Писанія, то содержаніе ихъ заимствовалось изъ тѣхъ же главъ Исхода и Второзаконія. Въ надписяхъ этихъ словами Писанія внушалось памятованіе объ избавленіи евреевъ отъ тираніи египетской и объ исполненіи главнѣйшихъ заповѣдей. Смыслъ предписанія ветхозавѣтнаго закона о филактиріяхъ не совсѣмъ ясенъ, и едва ли законъ предписывалъ постоянное ношеніе этихъ неудобныхъ амулетовъ. Во всякомъ случаѣ книжники и фарисеи изъ этихъ филактирій дѣлали своего рода выставку благочестія. Они „разширяли“ эти „хранилища“ т. е. дѣлали изъ нихъ что-то слишкомъ бросающееся въ глаза, помпёзное. А „воскрилія одеждъ“ что такое? Это есть исполненіе слѣдующаго предписанія изъ кн. Числъ: израильтяне должны „дѣлать себѣ кисти на краяхъ одеждъ и въ кисти вставлять нити изъ голубой шерсти“ (15, 38—40). Очевидно, воскрилія были чѣмъ-то въ родѣ бахромы на платьѣ. Книга Числъ говоритъ, что израильтяне должны были дѣлать ихъ для того, чтобы, взирая на кисти, они не забывали объ исполненіи заповѣдей Господнихъ. Повидимому, такую голубую бахрому обязаны были носить всѣ мужчины еврейскіе. Но книжники и фарисеи сдѣлали изъ этого предписанія эгоистическое отличіе для себя. Они не какъ прочіе израильтяне, безмѣрно увеличивали и удлиняли эту бахрому, чтобы всѣ видѣли, что они исполняютъ предписаніе объ этомъ не только въ должной, но и сверхдолжной мѣрѣ. Евангелистъ Лука, передавая

содержаніе той же рѣчи Христа противъ книжниковъ и фарисеевъ, приводитъ обличеніе ихъ въ томъ, что „они любили ходить въ длинныхъ одеждахъ“ (20, 46). Они носили одежды, названныя въ оригиналѣ: στολάς. Что это за одежды? στολή— это была одежда знатныхъ людей, даже отличительная царская одежда. (I Маккав. гл. 6, 15). Если такъ, то значитъ они любили нарядное платье, которое совсѣмъ не къ лицу учителю Закона Божія.

Не къ лицу имъ были и другіи ихъ навыки и пристрастія. Христосъ говоритъ: „также они любятъ предвозлежанія на пиршествахъ и предсѣданія въ синагогахъ.“ Іоаннъ Златоустъ, изъясняя приведенныя слова Господа, готовъ еще извинить фарисеямъ первыя мѣста на пиршествахъ, но не хочетъ извинять ихъ за то, что они стремились къ предсѣданію и въ синагогахъ, этихъ храмахъ того времени,— въ синагогахъ гдѣ сами же книжники и фарисеи поучали народъ совсѣмъ обратному. „Учитель закона, прибавляетъ Златоустъ, говоритъ ли, молчитъ ли, обѣдаетъ ли, или что другое дѣлаетъ долженъ являться образцомъ для другихъ— во всемъ“ [1]).

„Любятъ они—книжники и фарисеи—говоритъ далѣе Христосъ, и привѣтствія въ народныхъ собраніяхъ и чтобы люди звали ихъ: „учитель, учитель“! „равви, равви“! Какое тщеславіе! Но увы, наше время далеко ушло впередъ по части тщеславія по сравненію съ эпохою фарисеевъ! Одни такія пышные титулы, какъ „ваше высокопреосвященство, владыко святый“—чего стоятъ! Златоустъ, разбирая смыслъ сейчасъ приведеннаго обличенія фарисеевъ, замѣчаетъ: „славолюбіе книжниковъ и фарисеевъ сводило ихъ съ ума“.[2]) Разумѣется, само названіе: „учитель, равви“, съ которымъ обращались къ нимъ ихъ почитатели, не заключало ничего худого; худо было то, что фарисеи жаднымъ ухомъ прислушивались къ этимъ возгласамъ: „любили“ ихъ[3]).

Дальнѣйшая рѣчь Христа направляется противъ религіозной и общественной дѣятельности книжниковъ и фарисеевъ. „Горе вамъ — возглашалъ Онъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что затворяете царство небесное человѣкамъ;

---

[1]) Творен. Іоанна Златоуста. Т. VII, стр. 730. Спб. 1902.
[2]) Ibid., 437.
[3]) Zahn. Op. cit. S. 641.

ибо сами не входите и хотящихъ войти не допускаете". Лицемѣры—говоритъ о нихъ Христосъ. Лицемѣріе дѣйствительно составляло такъ сказать первородный грѣхъ фарисейства. Христосъ нерѣдко внушалъ: „берегитесь закваски фарисейской, которая есть лицемѣріе" (Лук. 12, 1). Любопытно, что еврейскій талмудъ даже женамъ фарисеевъ приписываетъ лицемѣріе; здѣсь замѣчается, что „жена фарисея, играя роль благотворительницы, въ тиши же приготовляетъ бѣдствіе".[1]) Лицемѣрные учители могли воспитывать такого же достоинства и учениковъ, что̀ особенно возмущало духъ Христа, какъ Онъ и выражаетъ это въ приведенныхъ словахъ о царствѣ небесномъ.

Въ чемъ же особенно выражалось безцеремонное лицемѣріе фарисеевъ, на это Христосъ указываетъ прежде всего въ такихъ словахъ: „горе вамъ, лицемѣры, что поѣдаете домы вдовъ и лицемѣрно долго молитесь: за то примите тѣмъ большее осужденіе". „Поѣдаете домы вдовъ" что это значитъ? Это можно понимать двояко: книжники и фарисеи любили себя угащать не на счетъ имущества лицъ богатыхъ, которыхъ не такъ легко было обольщать, а отъ достоянія вдовъ, нуждающихся въ религіозныхъ утѣшеніяхъ, и такимъ образомъ, гости увеличивали бѣдность вдовъ, вмѣсто того, чтобы облегчать ее. „Они не просто ѣли, но поѣдали" прибавляетъ Златоустъ.[2]) Можно понимать разсматриваемыя слова и такъ: возможное дѣло, что „они въ самомъ дѣлѣ были обманщиками, смѣявшимися надъ простодушными людьми и потому прямо обирали ихъ" (Ѳеофилактъ).[3]) Нужно сказать, что любостяжаніе составляло не послѣднюю черту въ обликѣ фарисейскомъ. Лука пишетъ, что когда Христосъ разъяснялъ своимъ ученикамъ невозможность одновременнаго служенія Богу и мамонѣ, то фарисеи беззастѣнчиво смѣялись надъ рѣчами Христа, потому что они были—замѣчаетъ евангелистъ—„сребролюбцы". При этомъ случаѣ самъ Христосъ назвалъ ихъ сребролюбіе „мерзостію" (16, 13—15). Говоря о поѣданіи домовъ вдовицъ фарисеями, Христосъ при этомъ ставитъ имъ въ укоръ ихъ „лицемѣрныя долгія молитвы." Молитвы фарисейскія, нужно сказать, производили на

[1]) Скарданицкаго. Фарисеи, 65.
[2]) Твореп. VII, 735.
[3]) Бл. Ѳеофилакта. Толкованіе на еван. Матѳея, стр. 303. Каз. 1899.

Христа самыя неблагопріятныя впечатлѣнія и Онъ часто бичуетъ фарисеевъ за эти ихъ мнимые подвиги. Ихъ длинныя молитвы, въ отличіе отъ искренней молитвы, носили характеръ многословія. Такого рода молитвы Христосъ сильно порицалъ. „Моляся училъ онъ, не говорите лишняго, какъ язычники, ибо язычники думаютъ, что во многословіи своемъ будутъ услышаны“ (Матѳ. 6, 7). Итакъ по суду Христову, слишкомъ длинная молитва, какую любили фарисеи есть принадлежность культа идолопоклоническаго. Спрашивается: какъ назвалъ бы Онъ нашу современную молитву, переполненную многословіемъ? Кромѣ своей ненужной длинноты, лицемѣріе фарисейской молитвы заключалося въ ея показномъ характерѣ. „Лицемѣры т. е. фарисеи, по наблюденію Христа, любятъ останавливаться молиться въ синагогахъ (т. е. всенародно) и на углахъ улицъ, чтобы показаться передъ людьми“ (Мѳ. 6, 5). Онъ замѣчаетъ, что такая молитва остается безъ благихъ послѣдствій. Мало того: молитва фарисейская прямо была каррикатурна. Всѣ считаютъ молитву прославленіемъ Бога, а фарисеи превращали ее въ самовосхваленіе. Извѣстно, какъ недостойно молился фарисей при видѣ мытаря въ храмѣ, по свидѣтельству Христову. (Лук. 18, 10—12). Но возвратимся къ нашему вопросу о длинныхъ молитвахъ фарисеевъ. Нужно обратить вниманіе на то, что Христосъ обличаетъ фарисеевъ совмѣстно и за эти молитвы и за то, что они „поѣдали домы вдовицъ“. Есть ли дѣйствительная связь между длинными молитвами и „поѣданіемъ домовъ вдовицъ“? Связь—есть, и она подмѣчена древними толкователями евангелій. Прежде всего нужно сказать, что фарисеи какъ-то умѣли пріобрѣтать симпатіи женскаго пола (впрочемъ это—свойство всѣхъ религіозныхъ лицемѣровъ). Іосифъ Флавій прямо говоритъ что „въ особенности въ рукахъ фарисеевъ были женщины“.[1]) Этотъ фактъ самъ по себѣ очень важенъ, но важнѣе всего то, что фарисеи съумѣли привлечь къ себѣ женщинъ и въ особенности вдовъ своими длинными молитвами. Женщины вообще религіозны, а вдовы и тѣмъ болѣе: эти послѣднія нуждаются въ утѣшеніяхъ, въ сочувствіи къ ихъ положенію. Но тутъ-то и являлись къ нимъ на выручку фарисеи съ своими пред-

[1]) Flavii Iosephi. Antiqu. Iud. XVII, 2. 4.

линными молитвами. Разумѣется, эти лицемѣры, эти Тартюфы, увѣряли вдовъ, что свои продолжительныя молитвы они возносятъ за несчастныхъ женщинъ, лишившихся своихъ мужей. А разъ вдовы этому вѣрили, ключи отъ сундуковъ и кладовыхъ комнатъ переходили въ карманъ лицемѣрныхъ молитвенниковъ. Молитва ихъ приносила осязательные плоды.

Но продолжимъ разсмотрѣніе рѣчи Господа, обращенной противъ книжниковъ и фарисеевъ. „Горе вамъ, лицемѣры, что даете десятину съ мяты, аниса и тмина и оставили важнѣйшее въ законѣ: судъ (т. е. справедливость), милость и вѣру. Вожди слѣпые, отцѣживающіе комара и верблюда поглощающіе“! Подъ комаромъ, конечно, здѣсь разумѣется десятина съ какой-то мяты, а подъ верблюдомъ справедливость, милость и чистая вѣра. Ветхозавѣтный законъ предписывалъ іудеямъ давать десятину отъ стяжаній въ пользу храма (Числъ, 18,26. Втор. 12, 6; 14, 28), но при этомъ, конечно не имѣлось въ виду доводить дѣло до той крайности, какую встрѣчалъ Христосъ у лицемѣровъ. По выраженію древняго учителя церкви, фарисеи съ своими скрупулезными десятинами казались просто „безумными: презирая важнѣйшія заповѣди, они старались объ исполненіи неважныхъ, являлись людьми мелочными“.[1]) Фарисеи заботливо отчисляли десятину съ такихъ произведеній своихъ огородовъ, которыя, даже взятыя въ своей совокупности, почти не имѣли никакой цѣнности въ земледѣльческой странѣ, какою была Палестина.

Дальнѣйшую часть обличеній книжниковъ и фарисеевъ составляютъ слѣдующія рѣчи Господа. „Горе вамъ, лицемѣры, что очищаете внѣшность чаши (т. е. стакановъ) и блюда, между тѣмъ какъ внутри онѣ (эти сосуды) полны хищенія и неправды. Фарисей слѣпой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внѣшность ихъ“. Нельзя позабывать того, что ветхозавѣтный законъ много обращалъ вниманія на внѣшнюю чистоту израильскаго народа, но фарисеи до послѣдней степени утрировали предписанія этого рода, почему Христосъ и возсталъ на этихъ мнимыхъ законниковъ. Онъ обличаетъ ихъ за то, что „они

---

[1]) Ѳеофилакта. Op. cit., 305.

обмывали стаканы, блюда и столы, на каторыхъ кладется пища, но въ тоже время пили вино и ѣли пищу, добытыя неправдою (это-то Христосъ и называетъ „внутренностью чаши и блюда"), что собственно и оскверняло ихъ сосуды" (Θеофилактъ.[1]) Вообще фарисеи, вродѣ нашихъ раскольниковъ, если дѣло касалось принятія пищи, придавали чуть не сакраментальное значеніе пустымъ обычаямъ. Они удивлялись на Христа, видя что Онъ садился за столъ, неумывши рукъ (Лук. 11, 38); осуждали за тоже и Его учениковъ (Мѳ. 15,2 и дал.) Да и вообще они были безмѣрно требовательны въ вопросахъ о пищѣ и питаніи. Угодить на нихъ въ этомъ отношеніи было просто невозможно. Вотъ что говорилъ о нихъ Самъ Христосъ: „пришелъ Іоаннъ Креститель ни хлѣба не ѣстъ, ни вина не пьетъ, и вы (книжники и фарисеи) говорите: въ немъ бѣсъ. Пришелъ Сынъ человѣческій: ѣстъ и пьетъ, и говорите: вотъ человѣкъ, который любитъ ѣсть и пить вино, Онъ—другъ мытарей и грѣшниковъ" (Лук. 7, 33—34). Это были какіе-то необузданные критиканы, въ родѣ нашихъ необразованныхъ монаховъ. Религіозно-умственный кругозоръ книжниковъ и фарисеевъ былъ ограниченъ и низменъ.

Христосъ, обличая книжниковъ и фарисеевъ, не находилъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы заклеймить ихъ жестокость, бездушіе, лицемѣріе и ханжество. Онъ уподоблялъ ихъ окрашеннымъ „гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты" (Мѳ. 23, 27). Нужно помнить, что гробы въ Палестинѣ устроялись въ пещерахъ, искусственныхъ или естественныхъ, или точнѣе: эти пещеры и служили гробницами. Поэтому, если Христосъ говоритъ объ украшеніи гробовъ, то разумѣетъ совсѣмъ не тѣ украшенія, къ какимъ привыкли мы, а разумѣетъ известку, алебастръ и мраморъ, которыми отдѣлывались входы въ такіе гробы. Чтобы постичь всю силу разбираемаго изреченія Христова, слѣдуетъ знать, съ какимъ ужасомъ іуден смотрѣли на мертвое тѣло: прикосновеніе къ мертвецу они считали осквернѣніемъ, въ особенности для священниковъ и назареевъ (Лев. 22, 3—4;

---

[1]) Ibidem 306,

Чис. 5, 2)[1]). Христосъ называлъ фарисеевъ „слѣпыми вождями“ (Мѳ. 23, 16). Они дѣйствительно и были такими; но имъ казалось дѣломъ нелѣпымъ приписывать имъ „слѣпоту“ и они въ сознаніи своей непогрѣшимости, возражали Ему: „неужели мы слѣпы“? (Іоан. 9, 40). Онъ называлъ ихъ также, „безумными, зміями и эхиднами“ (Мѳ. 23, 17. 33). Повидимому, къ фарисеямъ относятся грозныя слова Его: „вашъ отецъ діаволъ“ (Іоан. 8, 13. 44).

Въ наше время фарисеевъ больше не существуетъ; но фарисейство съ его характеристичными особенностями никогда не изчезало со страницъ исторіи. Оно надолго пережило свое время.

II. Перенесемся къ христіанско-византійскимъ временамъ. Тутъ познакомимся съ извѣстіями и взглядами одного изъ очень видныхъ и наблюдательныхъ отцевъ церкви, — разумѣемъ Григорія Богослова. Григорій — это такой писатель, который очень охотно и безъ всякихъ прикрасъ описывалъ церковную жизнь своего времени, и главнымъ образомъ живописалъ сотоварищей по служенію, многочисленныхъ восточныхъ епископовъ того времени. Свидѣтельства Григорія, жившаго во второй половинѣ IV вѣка, для насъ особенно важны въ томъ отношеніи, что они знакомятъ съ такой эпохой византійской церковной жизни, которую можно признавать одною изъ самыхъ выдающихся по своему внѣшнему блеску и значенію. Трудно указать въ исторіи христіанско-византійской жизни другую эпоху, которая была бы со внѣшней стороны славнѣе этой; и быть можетъ, еще труднѣе отыскать здѣсь же эпоху, которая была бы описана кѣмъ либо такъ живо, обстоятельно, и съ такою наблюдательностію, какъ это находимъ у Григорія. Поэтому мы имѣемъ всѣ основанія изобразить времена Григорія Богослова, какъ наиболѣе характеристическія въ исторіи христіанско-византійской жизни. Одного не нужно забывать при изученіи этихъ временъ по сочиненіямъ Григорія, что самъ этотъ отецъ принадлежалъ по разнымъ причинамъ къ числу разочарованныхъ личностей; но это касается колорита его описаній, а не можетъ внушать сомнѣній относительно истин-

---

[1]) Zahn. Op. cit., 645.

ности и правдивости фактической стороны въ его нерѣдко рѣзкихъ и суровыхъ картинахъ жизни.

Свое время Григорій не обинуясь называетъ временемъ „епископскаго омраченія“ [1]). Я уже сказалъ, что Григорій описываетъ почти исключительно епископовъ своего времени, избѣгая однакожъ личностей и удовлетворяясь безличной характеристикой этихъ вождей церкви. „Страшный, изрытый пропастями оврагъ, говоритъ онъ на своемъ излюбленномъ изукрашенномъ языкѣ — это мы, то есть наше забывшее чинъ свой, сословіе (говорю это со слезами, прибавляетъ нравописатель); это—мы, не на добро возсѣдшіе на высокихъ престолахъ; мы народные предсѣдатели, учители прекраснаго; мы, которымъ дано въ удѣлъ питать души божественною пищею, но которые сами истаеваемъ отъ голода; мы враги немощей и въ тоже время мертвецы, заражающіе непрестанно новыми и новыми недугами; мы путеводители по стезямъ, можетъ быть скольскимъ, но по стезямъ такимъ, по которымъ мы никого еще не водили, да и не ходили и сами; мы, не слѣдовать которымъ правило самое простое, и вмѣстѣ урокъ, всего прямѣе ведущій ко спасенію; мы, которыхъ эта возвышенность (т. е. епископская каѳедра) обличаетъ въ худыхъ нравахъ; а эта рѣшотка (разумѣется рѣшотка, отдѣлявшая тогда олтарь и его служителей отъ остальнаго храма), отдѣляетъ насъ отъ прочихъ людей, не поведеніемъ, но высокомѣріемъ. Но почему я рѣшился передать это слову, тогда какъ я не люблю разглашать многое безъ уважительной причины; пусть слышитъ это всякій, объявляетъ Григорій, и теперь и въ будущія времена“ (стр. 6). Возблагодаримъ этого св. отца, что онъ былъ такъ великодушенъ, оставивъ намъ очень цѣнный и богатый историческій матеріалъ, при чемъ онъ давалъ себѣ ясный отчетъ о томъ, какую пользу онъ приноситъ невѣдомымъ грядущимъ поколѣніямъ читателей. Характеризуя пастырскій комплектъ современной церкви, Григорій Богословъ, не безъ сарказма, пишетъ: „это было прежде огражденное сѣдалище мудрыхъ, дворъ совершенныхъ, возвышеніе для ангельскихъ ликованій, рѣшотка, раздѣляющая два міра: постоянный отъ преходя-

[1]) Твореп. его въ рус. пер. Т. VI, стр. 189. М. 1848 Дальше въ текстѣ, ради краткости цитаціи, мы будемъ указывать лишь надлежащія страницы этого тома, не обозначая его.

щаго, предѣлъ между богами и эфемерными тварями. Такъ было нѣкогда. А что нынѣ, смѣшно то и видѣть. Всѣмъ отверстъ входъ въ незапертую дверь, и кажется мнѣ, что какъ-будто слышу глашатая, который стоитъ впереди и провозвѣщаетъ: „приходите сюда всѣ слуги грѣха, ставшіе поношеніемъ для людей, приходите смѣло: для всѣхъ готовъ широкій престолъ, приходите и преклоняйте выи подъ простертыя десницы (т. е. для посвященія). Общее всѣхъ достояніе—воздухъ, общее достояніе—земля, для всѣхъ широкое небо, для всѣхъ также дары моря,—для всѣхъ и престолы. Великое чудо! взываетъ писатель. Саулъ не только не лишенъ благодати, но даже пророкъ“! (стр. 77—8). „Никто не останавливайся вдали, и всякій иди сюда. Всѣ толпитесь около божественной трапезы, и тѣснясь и тѣсня другихъ. Если ты силенъ, гони другого (чтобы занять его мѣсто), не смотря на то, что этотъ другой совершенъ, много трудился на престолѣ, престарѣлъ, изнеможденъ плотію, презираетъ міръ и живетъ въ Богѣ, и добрый священникъ царя небеснаго“. Подобнаго рода пастыри, по замѣчанію св. отца, могли быть полезны для своей паствы въ одномъ и единственномъ отношеніи. „Кто пишетъ картину съ оригинала, говоритъ онъ, тотъ ставитъ сперва предъ собою подлинникъ, и потомъ картина принимаетъ на себя списываемый образъ. Но кто смотритъ на васъ, пастырей IV вѣка, тотъ пойдетъ противоположною стезею. И это—единственная польза отъ вашей испорченности“ (стр. 78). Дорисовывая картину той неразборчивости и смѣлости, вслѣдствіе которой всякій считалъ себя достойнымъ „властвовать“ въ церкви, Григорій еще говоритъ: „вотъ духъ времени — всякій смѣлъ на все. Подобно грибамъ, вдругъ выбѣгаютъ изъ земли и мудрецы, и военачальники, и епископы, хотя они и не потрудились прежде на свою долю надъ чѣмъ нибудь добрымъ. Чтожъ выходитъ изъ этого? Добродѣтель унижается“[1]).

Переходимъ къ болѣе частнымъ чертамъ, которыя отмѣчали тогдашнихъ пастырей церкви. Григорій приписываетъ имъ гнѣвъ, презорство (наглость), взаимную зависть. „Вожди народа, т. е. епископы, пишетъ онъ, беззаконно возстаютъ другъ на друга. Ополчаясь вмѣсто оружія гнѣвомъ и зави-

[1]) Творен. его въ рус. пер. Т. 5, стр. 269. М. 1847.

стію, и кипя презорствомъ, какъ свирѣпымъ огнемъ, они возстали другъ на друга, и изъ за нихъ раздѣлилась цѣлая вселенная“ (стр. 67). „Одни изъ нихъ состязуются за священные престолы, и возставая другъ противъ друга, поражаются и поражаютъ безчисленными бѣдствіями; это неукротимые воители, они возглашаютъ мнѣ миръ и хвалятся кровію. Предлогомъ споровъ у насъ Троица, а истинною причиною невѣроятная вражда. Всякій двоедушенъ: это овца, прикрывающая собою волка, это уда, коварно предлагающая рыбѣ отравную снѣдь. Таковы вожди, конечно, церкви“ (стр. 79—80). Тщеславіе и страсть къ богатству—составляли настоящую язву тогдашнихъ епископовъ. Григорій говоритъ объ этомъ много и часто. „Въ предлогъ епископами представлялось попеченіе о душахъ (христіанскихъ), а истиннымъ побужденіемъ оставалось любоначаліе, не осмѣливаюсь сказать: сборы и поборы, отчего весь міръ приходитъ въ жалкое колебаніе“ (стр. 19—20). „До того омрачены очи наши этою страстію или къ суетной славѣ или къ богатству!“ (стр. 80). При другомъ случаѣ Григорій пишетъ: „если во всякомъ случаѣ худа ненасытность, то еще хуже быть ненасытнымъ духовному“ лицу. „Если бы всѣ такъ разсуждали (т. е. какъ самъ Григорій), то никогда бы не было такихъ безпорядковъ въ церквахъ“. „Но входить въ такія розысканія, скромно замѣчаетъ онъ, не имѣю намѣренія“ (стр. 51). Впрочемъ, при удобномъ случаѣ онъ не считаетъ излишнимъ сказать еще слѣдующее: „я присовокупилъ бы о золотѣ, что ему принадлежитъ владычество“. Этимъ-то, пристрастіемъ къ золоту, онъ и объясняетъ себѣ, почему у епископовъ „одно только мірское превозмогаетъ надъ духомъ“ (стр. 33). Выдѣляя себя изъ ряда епископовъ своекорыстныхъ и сребролюбивыхъ, Григорій говоритъ о себѣ: „я не изъ числа пастырей, которые продаютъ (благодать) и говорятъ: „благословенъ Господь и обогатихомся“ (Захар. 11, 5), не изъ числа пастырей, которые пасутъ самихъ себя, а не овецъ“ [1]). Онъ приводитъ очень поучительный примѣръ расхищенія даже церковныхъ денегъ епископами и ихъ приспѣшниками. Какъ извѣстно, Григорій Богословъ былъ нѣкоторое время архіепископомъ столичной, константинопольской церкви. Церковь эта, по его

[1]) Творен. его въ рус. пер. Т. 2, стр. 295. М. 1844.

словамъ, принадлежала къ самымъ богатымъ: ей щедро благотворили императоры, она имѣла много доходовъ, стекавшихся съ разныхъ сторонъ, славилась своими драгоцѣнными вещами. И что же? Когда Григорій прибылъ въ столицу, въ качествѣ ея предстоятеля, никакихъ денегъ въ Константинопольской церкви не оказалось; драгоцѣнности изчезли. Не найдено было ни записей, ни отчетовъ. Виновниками такого расхищенія были предшественники Григорія по каѳедрѣ и церковные экономы. Можно было начать слѣдствіе, но Григорій отказался что-либо предпринять, изъ боязни, что это „послужило бы къ оскорбленію таинства“, т. е. христіанской вѣры (стр. 51). Не молчитъ Григорій и о многихъ другихъ не красивыхъ чертахъ, какими стали отличаться епископы того времени. Они, какъ оказывается, „любили ѣздить на отличныхъ коняхъ, блистательно выситься на колесницѣ“. Имъ очень нравилось, чтобы ихъ „встрѣчали и принимали съ подобострастіемъ, чтобы всѣ давали имъ дорогу и раступились предъ ними, лишь только издали увидятъ ихъ грядущихъ“. Они знали толкъ и любили „мягкія и волнующіяся одежды“; какъ хорошіе гастрономы, отдавали должное „поварскимъ, искусно приготовленнымъ снѣдямъ“, цѣнили роскошныя трапезы и держали патентованныхъ поваровъ [1]).

Если Григорій Богословъ не преувеличиваетъ, то одну изъ самыхъ непріятныхъ чертъ въ поведеніи тогдашнихъ епископовъ составляло ихъ человѣкоугодничество, часто вытекавшее изъ низменныхъ разсчетовъ. Онъ откровенно говоритъ: „мы (т. е. епископы) рабы времени и народныхъ прихотей, отдаемъ ладью свою всякому подувшему вѣтру, у насъ ученіе, на подобіе хамелеоновъ, принимаетъ непрестанно новый цвѣтъ“ (стр. 27). При другомъ случаѣ, изобразивъ то, какимъ долженъ быть „молитвенникъ великаго Христа“ (т. е. епископъ) по своимъ нравственнымъ достоинствамъ, онъ находитъ, что далеко не всѣ эти молитвенники соотвѣтствуютъ своему призванію. Чаще всего между ними встрѣчались, такъ сказать, „всегдашніе слуги человѣческаго могущества; смотря по обстоятельствамъ, какъ трость, колебле-

---

[1]) Творен. его. Т. 4, стр. 47. 121. М. 1844.

мая вѣтромъ, они склоняются туда или сюда, и подаютъ не врачество, но образецъ всякаго порока". Разумѣется, епископы старались соблюдать внѣшній декорумъ, „носили по выраженію Григорія, кожу могущественнаго, царственнаго льва"; но подъ этою кожею они „скрывали раболѣпство лисицы, чтобы оставаться хитрецами и даже злодѣями и перекидываться во всѣ виды порока". Они любили, когда открывалась къ тому возможность, быть „сотрапезниками земного царя и возлежать среди пирующихъ", имъ нравилось, если „судья сажалъ ихъ рядомъ съ собою, а не ниже себя". Но всѣ такого рода отличія доставались не даромъ. Приходилось „цѣловать окровавленныя руки или ласкать подбородокъ, чтобы добиться даже небольшой милости". Мало того: приходилось, ради даже небольшихъ житейскихъ преимуществъ допускать чуть не кощунство. Епископу, по словамъ Григорія, даже „въ священныхъ мѣстахъ (подъ священными мѣстами, повидимому, нужно разумѣть храмы) одному или вмѣстѣ съ другими собратами приходилось говорить пріятное слуху, заботливо снискивая любовь у народа". Епископамъ приходилось, по увѣренію Григорія, „услуживать и изъ-за-престоловъ, за которые препираясь другіе дѣлятся на скопища. Увы, увы! какъ велики наши скорби"! восклицаетъ св. отецъ. (Стр. 71—74).

Фарисейское лицемѣріе, по извѣстіямъ Григорія находило себѣ пріютъ въ сферѣ монаховъ того времени, а для монашества, нужно помнить, и тогда былъ открытый путь къ епископскимъ престоламъ. Въ стихотвореніи „на лицемѣрныхъ монаховъ" Григорій пишетъ: „какъ мраченъ и блѣденъ ты, т. е. монахъ. Ходишь безъ обуви съ распущенными волосами; едва можешь выговорить слово (отъ воображаемаго истощенія), хитонъ свисъ у тебя съ пояса, или черная хламида чинно влачится по пятамъ. Если все это дѣлается ради вѣры, то объ этомъ, вѣдь, должна свидѣтельствовать цѣлая жизнь. А если это только одна картина, т. е. лицемѣріе, то пусть хватитъ кто другой, а не я! Если кто лицемѣритъ, мнѣ пріятно ужъ въ немъ то, что изнуряетъ свою плоть, и въ этомъ несетъ наказаніе за обманъ". Этого рода монахи, по Григорію, чуждались физическаго труда, не платили податей, освобождали себя отъ заботъ о пропитаніи родителей. Объ этихъ монахахъ св.

отецъ произноситъ такой приговоръ: „кинемъ мы ихъ воронамъ“ [1]).

Епископы были очень не равнодушны къ ласкательнымъ титуламъ, съ какими къ нимъ обращались. Имъ пріятно было, если ихъ величали „боголюбезнѣйшими, святѣйшими“ или какъ нибудь въ этомъ родѣ. А тотъ, кто не поступалъ такъ, могъ получать упрекъ въ недостаткѣ почтительности къ руководителямъ церкви [2]). Тѣже епископы, подобно древнимъ фарисеямъ, изъявляли притязанія на *предсѣданія*, гдѣ бы они не появлялись, и на *цѣлованія*, т. е. привѣтственные возгласы, въ собраніяхъ. Іоаннъ Златоустъ, младшій современникъ Григорія Богослова, съ сокрушеніемъ говоритъ: „я не могу удержаться отъ слезъ, когда и нынѣ слышу о „первосѣданіяхъ“ и „цѣлованіяхъ“ (конечно, епископовъ) и представлю, какъ много золъ произошло отсюда для церквей Божіихъ“ [3]).

Мы сказали, что Григорій Богословъ при изображеніи епископовъ своего времени избѣгаетъ личностей. Кажется, дѣлаетъ онъ только одно исключеніе для нѣкоего Максима. Максимъ былъ жалкою креатурою архіепископа александрійскаго и сдѣлался по интригамъ этого послѣдняго (стр. 32. 37) епископомъ константинопольскимъ въ то время, когда дѣйствительнымъ епископомъ Константинополя былъ Григорій Богословъ. Слѣдовательно, Максимъ былъ антиепископомъ по отношенію къ Григорію, подобно тому, какъ на римскомъ епископскомъ престолѣ не разъ появлялись антипапы. Въ описаніи этого Максима у Григорія замѣтно звучитъ нотка раздраженія; но это и понятно. Максимъ, хоть и на короткое время былъ соперникомъ Григорія по константинопольскому престолу. Этого антиепископа, этого авантюриста называютъ въ исторіи циникомъ, но кажется было бы приличнѣе именовать его эпикурейцомъ. Свое описаніе Максима нашъ Григорій начинаетъ такими словами: „это стоитъ того, чтобы разсказать, ибо можетъ послужить вѣчнымъ памятникомъ позора для злыхъ“. И затѣмъ такъ изображаетъ его: „у насъ въ городѣ былъ человѣкъ женоподобный, какое-то

---

[1]) Твор. его. Т. 5, стр. 246—247.
[2]) Сократа Церк. исторія. Предисловіе къ 6-ой книгѣ.
[3]) Твор. его. Т. 7, стр. 730.

египетское привидѣніе, злое до бѣшенства, песъ и песъ изъ мелкихъ, уличный прислужникъ, черноволосый, курчавый, косматый. Курчавымъ онъ былъ издавна, а космы изобрѣтены вновь; потому что искусство—второй творецъ. Всего чаще это бываетъ дѣломъ женъ. Что Максимъ не принадлежитъ уже къ числу мужчинъ, это таилось до времени, а теперь показала его прическа. Для насъ удивительно въ теперешнихъ мудрецахъ, говоритъ Григорій, что жалкимъ образомъ принадлежатъ они къ обоимъ поламъ; по волосамъ походятъ на женщинъ, а по жезлу на мужчинъ. Этимъ хвастался и Максимъ, у него плечи всегда осѣнялись золотыми кудрями, и всю ученость носилъ онъ на тѣлѣ. Онъ, какъ слышно, прошелъ по многимъ лукавымъ путямъ; но объ иныхъ пусть разыскиваютъ другіе: у меня нѣтъ времени для этого. Впрочемъ это имѣется во многихъ запискахъ (протоколахъ) у градоправителей", т. е. просто въ полиціи. Рѣчь идетъ у Григорія, о „срамныхъ дѣлахъ" Максима, за которыя онъ подвергался изгнанію изъ городовъ (стр. 36). Св. отецъ называетъ его „новымъ египетскимъ Протеемъ". Этотъ Максимъ, при помощи золота, легко подкупилъ нѣкоторыхъ епископовъ въ свою пользу, которые, по выраженію Григорія, золотомъ и „склоняются на худшее". Они вдругъ, безъ всякихъ предувѣдомленій посвящаютъ Максима въ епископы Константинополя, или говоря саркастически — образнымъ языкомъ описателя: „они спѣшатъ обстричь (то есть постричь) этого пса и возвести его на престолъ прежде, чѣмъ это стало извѣстно народу, вождямъ церкви и даже мнѣ; назнаменовали его пастыремъ". Въ заключеніе Григорій упоминаетъ о концѣ всей этой позорной комедіи. Максимъ долженъ былъ удалиться изъ Константинополя. Это Григорій описываетъ лишь въ слѣдующихъ нѣсколькихъ словахъ. Максимъ, „изъ псовъ сдѣланный пастыремъ, опять изъ пастырей сталъ псомъ и— какое безчестіе псомъ покинутымъ". (Стр. 29. 31. 33—35).

Григорій Богословъ такъ былъ недоволенъ составомъ епископата своего времени, такъ былъ пораженъ ихъ многочисленными недостатками, что не понималъ, почему Господь Богъ не накажетъ недостойныхъ епископовъ такъ, какъ Онъ наказывалъ въ древнее время нерадивыхъ вождей израильскаго народа и вообще нечестивцевъ, упоминаемыхъ въ

Библіи. Онъ не можетъ уяснить себѣ: почему на головы нечестивыхъ епископовъ не сыплются камни, какъ они сыпались съ горы Синая, во время пребыванія тамъ Моисея, на дерзкихъ, желавшихъ проникнуть туда, и даже на безсловесный скотъ, случайно приближавшійся къ этой горѣ (Исх. 19, 13)? Почему этихъ епископовъ не постигнетъ участь сыновъ Аароновыхъ, принесшихъ къ олтарю огонь чуждый и умершвленныхъ чудесно появившимся пламенемъ? Почему они, епископы, не испытываютъ гибели, поразившей первосвященника Илія и его дѣтей, — послѣднихъ за то, что они имѣли продерзливый умъ и на священныя котлы налагали не освященныя и жадныя руки, а самаго Илія за то только, что онъ имѣлъ такихъ безпутныхъ дѣтей? Почему Господь не поражаетъ епископовъ, унижавшихъ свой санъ, какъ Онъ поразилъ внезапною смертію Озу, прикоснувшагося къ кивоту Господню, во дни Давида? Наконецъ онъ восклицаетъ: „о, когда бы Божіе правосудіе наказало ихъ геѳскою болѣзнію (чирьи) и за свои каѳедры терпѣли бы они казнь на своихъ „сѣдалищахъ“ (1 Цар. 5, 9). Въ послѣднемъ случаѣ указывается на извѣстное событіе изъ исторіи Филистимскихъ жителей Геѳа.

Обозрѣвая общее положеніе церковныхъ дѣлъ своего времени, Григорій восклицаетъ: „о, гибель! Мы опять назначили награды пороку. Оплачетъ ли сіе какой пѣвецъ, искусный въ сложеніи плачевныхъ пѣсней“? (стр. 81).

О себѣ же самомъ Григорій Богословъ пишетъ, что онъ „подавленъ общимъ нашимъ (т. е. епископскимъ) безславіемъ“ (стр. 79). Онъ же съ чувствомъ горести прибавляетъ: „я не хочу участвовать съ ними (епископами) ни въ совѣтѣ, ни въ плаваніи, ни въ пути“ [1]). И указываетъ причину, по которой онъ рѣшился на такой шагъ: „какъ скоро увидалъ я дѣла непотребныя, и заботливо обдуманный обманъ, отступилъ назадъ и внѣ (епископскаго сообщества) поставилъ свою ногу“ (стр. 81, 72). Затѣмъ онъ заявляетъ: „пусть идутъ они своимъ путемъ, а я поищу себѣ Ноева ковчега, чтобы спастись въ немъ отъ ужасной смерти“ (81). Но сомнительно, чтобы онъ могъ найти себѣ такой спасительный ковчегъ, въ тѣ времена.

---

[1]) Нужно сказать, что такъ обыкновенно поступали съ отлученными отъ церкви.

Скорбь Григорія, при видѣ вопіющихъ недостатковъ церковныхъ пастырей IV вѣка, заставляетъ его въ чувствѣ отчаянія воскликнуть: „Христосъ напрасно пронзенъ гвоздями“ (80). Т. е. напрасно Христосъ принималъ страданія для нашего спасенія. Нужно много горести накопиться въ душѣ, чтобы позволить себѣ такой исполненный отчаянія возгласъ.

Читая Григоріевы описанія вождей церкви IV вѣка, нельзя не видѣть, что много изъ тѣхъ недостатковъ и пороковъ, которые обличалъ Христосъ въ фарисеяхъ, сохранилось или возродилось и въ христіанской церкви. Встрѣчаемъ здѣсь сребролюбіе и погоню за земными выгодами, чванство и тщеславіе, пристрастіе къ первосѣданіямъ и льстивымъ привѣтамъ, лицемѣріе. Но ко всему этому еще прибавилось нѣчто и такое, чего, повидимому, не замѣчалось даже у фарисеевъ, наприм., человѣкоугодничество, расхищеніе церковныхъ денегъ, какія-то „срамныя дѣла“ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ епископовъ. Опять невольно припоминаются слова Григорія: „Христосъ напрасно былъ пронзенъ гвоздями“!

III. Принявъ на себя задачу выяснить, что замѣчаемые и отмѣчаемые въ положеніи нашей церкви текущаго времени недостатки не есть что-либо специфически принадлежащее только нашей эпохѣ, мы сейчасъ остановили свое вниманіе на одномъ знаменательномъ моментѣ въ исторіи византійской церкви, съ цѣлію указать, что въ этой церкви даже въ пору ея лучшаго состоянія наблюдалось много очень существенныхъ недостатковъ и отступленій отъ нормы. Другихъ какихъ-либо примѣровъ изъ исторіи той же византійской церкви представлять мы не намѣрены, чтобы не слишкомъ затягивать нашей рѣчи. Равно мы не имѣемъ въ виду отыскивать подобнаго же рода недостатки въ состояніи западныхъ церквей прошедшихъ временъ, потому что эти церкви жили по своимъ собственнымъ особымъ правиламъ и нормамъ, и очень мало могутъ служить иллюстраціями къ положенію дѣлъ въ нашей отечественной церкви[1]). Поэтому, въ интересахъ изу-

[1]) Въ своихъ работахъ намъ приходилось уже говорить о недостаткахъ западнаго духовенства. См. книгу: „Духовенство древней церкви“, стр. 363—367. М. 1905; а также нашу статью: Исторія итальянскаго духовенства въ одну изъ средневѣковыхъ эпохъ. („Чтен. Об. Люб. Дух. Просв.“, 1892, т. I).

ченія нашего вопроса, лучше, т. е. полезнѣе всего, будетъ обратиться къ прошедшимъ судьбамъ нашей русской церкви. Правда, при изученіи этой церкви съ предпринятой нами цѣлію встрѣчается то неудобство, что церковь эта во всѣ времена не блистала достоинствами. Но чтобы не растеряться въ выборѣ матеріала для нашего дѣла, мы, какъ намъ кажется, избѣжимъ этого неудобства, если выберемъ для нашего разсмотрѣнія прежде всего изъ давнишнихъ временъ такой моментъ въ жизни нашей церкви, когда она историческими условіями вызвана была задать себѣ прямой вопросъ: какіе болѣе важные недостатки накопились въ ней съ теченіемъ времени и какъ отъ нихъ можно освободиться? Быть можетъ, читатели догадываются, что мы имѣемъ въ виду положеніе дѣлъ церковныхъ во времени кризиса нашей государственно-церковной жизни, въ царствованіе Петра I-го. Обративъ свое заботливое вниманіе на усовершенствованіе государственно-общественной жизни въ другихъ отношеніяхъ, глава государства не могъ оставить безъ призора и дѣла церковныя, тѣмъ болѣе, что имѣлось въ виду существенное преобразованіе высшаго духовнаго управленія. Приведемъ слова самого Петра, находящіяся въ такъ наз. „Духовномъ регламентѣ“, слова, ясно указывающія, что и въ русской церкви того времени накопилось много недостатковъ, которые требовали серьезнаго къ себѣ вниманія. Петръ писалъ: „Между многими по долгу богоданныя намъ власти попеченми, о исправленіи народа нашего, посмотря и на духовный чинъ и видя въ немъ много нестроенія, и великую въ дѣлахъ его скудость, не суетный на совѣсти нашей возымѣли мы страхъ, да не явимся неблагодарни Вышнему, аще толикая отъ Него получивъ благоспѣшества, во исправленіи какъ воинскаго, такъ и гражданскаго чина, пренебрежемъ чина духовнаго“. Въ чемъ именно состоятъ упомянутыя царемъ нестроенія и скудость и что нужно для устраненія недостатковъ церковныхъ, это и долженъ былъ выяснить „Духовный регламентъ“. Духовный регламентъ, какъ извѣстно, есть книга, сочиненная Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, архіепископомъ Новгородскимъ, но жившимъ по волѣ Петра въ Петербургѣ и бывшимъ такъ сказать правою рукою его въ дѣлахъ церковныхъ. Регламентъ долженъ былъ сдѣлаться руководственною книгою для духовной коллегіи, т. е. для

свят. Синода. Являясь такою книгою, онъ заключаетъ въ тоже время не мало матеріала, характеристичнаго для положенія церкви того времени. Нужно было подвергнуть нелицепріятной критикѣ это положеніе, а это и дѣлаетъ регламентъ Θеофана.

Больше всего регламентъ говоритъ о состояніи епископскаго класса своего времени. Но эта-то сторона исторіи церкви прошедшаго времени для насъ особенно важна. Потому что, при изученіи еще болѣе раннихъ вѣковъ, согласно указанію нашихъ источниковъ, намъ пришлось въ предшествующей рѣчи имѣть дѣло съ вождями церковной жизни. Значитъ, если и теперь сосредоточимъ свое вниманіе на вождяхъ-же церкви, то будемъ говорить вообще о явленіяхъ, взаимно объясняющихъ другъ друга! Получается болѣе или менѣе строгое единство предмета разсмотрѣнія.

Основной грѣхъ, въ который впадали русскіе вожди церкви, по указанію регламента, это „спѣсь“ [1]). Было время, когда епископы, разсуждаетъ регламентъ, были свободны отъ этого грѣха, но времена эти давно прошли. И ни отъ чего другаго производитъ авторъ регламента это явленіе, какъ отъ невѣжества. „Если посмотримъ чрезъ исторіи, аки чрезъ зрительныя трубки, на мимошедшіе вѣка, увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ. Не спѣсивились такъ епископы въ прежнія вѣка“, наприм. до IV вѣка. Но авторъ при этомъ не молчитъ, что не всякое ученіе и всякое училище непремѣнно просвѣщаютъ человѣка и дѣлаютъ его чуждымъ спѣси. Есть такія училища, которыя остаются, по выраженію регламента „въ прежней тинѣ“, и въ которыхъ преподается не истинное, а „привидѣнное и мечтательное ученіе“, т. е. ученіе призрачное и возбуждающее пустую гордость. По замѣчанію регламента, „такого ученія вкусивши человѣцы глупѣйшіи бываютъ отъ неученныхъ“, т. е. бываютъ даже хуже самыхъ неученыхъ. Затѣмъ авторъ говоритъ о такого рода человѣкахъ, и по всей вѣроятности подъ ними разумѣетъ тогдашнихъ русскихъ епископовъ, ибо по связи рѣчи только къ нимъ могутъ

---

[1]) Духовный регламентъ, стр. 61. Спб. 1818. По этому же изданію будемъ и ниже цитировать приводимыя отсюда мѣста, обозначая для краткости, лишь страницы, безъ дальнѣйшихъ подробностей.

относиться дальнѣйшія слова автора. „Ибо весма темни суще, мнятъ себя быти совершенныхъ и помышляя, что все, что либо знать мощно, познали: не хотятъ, но ниже думаютъ честь (т. е. читать) книги и больше учитися“. (Все признаки невѣжественной спѣси). „Когда напротивъ, продолжаетъ авторъ, прямымъ т. е. истиннымъ, ученіемъ просвѣщенный человѣкъ, никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ, но не престанетъ никогда же учитися, хотя бы онъ и Маѳусалевъ вѣкъ пережилъ. Се же вельми бѣдственно, что указанные неосновательные мудрецы не только не полезны, но и вельми вредны суть и дружеству (т. е. обществу), и отечеству, и церкви. Равнаго чина людей они ненавидятъ, и если кто въ ученіи похваляемь есть, того всячески тщатся предъ народомъ и у властей обнести и охулити. За невѣжествомъ своимъ легко проговорятся, а мнѣнія своего изреченнаго перемѣнить отнюдь не хотятъ, чтобы не показать себе, что не все знаютъ“ (опять видимъ признаки спѣси). „А мужіе мудріи, добавляетъ авторъ, держутся пословицы: мудраго человѣка свойство есть отмѣнять мнѣніе“, т. е. не стоять упорно на своемъ (стр. 63—64). Таковы плоды „привидѣннаго и мечтательнаго ученія“, умноженія котораго отнюдь не желаетъ авторъ. Вотъ немногое, что находимъ въ регламентѣ по отношенію къ умственному состоянію вождей церкви того времени.

Гораздо обстоятельнѣе и интереснѣе характеризуетъ разсматриваемый памятникъ нравственное и нравственно-общественное положеніе епископовъ начала XVIII вѣка. Здѣсь авторъ вооружается противъ той же несимпатичной черты въ обликѣ тогдашнихъ вождей церкви, которая замѣчалась и въ ихъ интеллектуальномъ положеніи,—разумѣемъ спѣсь. Регламентъ особенно настойчиво приглашаетъ русскихъ архіереевъ къ смиренію и предостерегаетъ ихъ противъ высокомѣрія и самомнѣнія. Нельзя не видѣть, что эти послѣдніе недостатки слишкомъ бросались въ глаза въ поведеніи разсматриваемыхъ лицъ. Регламентъ внушаетъ: „Вѣдалъ бы всякъ епископъ мѣру чести своея и не высоко бы о ней мыслилъ, и хоть дѣло убо великое, но честь никаковая почитай въ Писаніи (т. е. священ. писаніи) знатная опредѣлѣна“ (стр. 40). Затѣмъ въ регламентѣ въ частности указывается, какихъ поступковъ должны избѣгать архіереи, какъ

несообразныхъ съ ихъ смиреніемъ и характеромъ ихъ призванія. „Се же того ради предлагается—читаемъ здѣсь—чтобы укротити оную вельми жестокую епископовъ славу (т. е. чрезмѣрное тщеславіе), чтобы оныхъ подъ руки (донелѣже здрави суть) не вожено и въ землю бы онымъ подчиненная братія не кланялись. То правда, что дѣло пастырское, (т. е. епископское), не малое есть, яко посольство Божіе; и заповѣдуетъ Богъ, да прилежащіи добрѣ пресвитеры (подъ которыми у ап. Павла здѣсь разумѣются, очевидно епископы), сугубой чести сподобляются, паче же труждающіися въ словѣ и ученіи (1 Тим. 5). Обаче честь опая умѣренная есть, а лишняя и почитай равно царская, да не будетъ". Значитъ спѣсь простиралась такъ далеко, что епископамъ хотѣлось стоять чуть не на равной ногѣ съ царями. „Да и умѣренной чести, внушаетъ авторъ, не самимъ пастырямъ (т. е. архіереямъ) искать и отъ подручныхъ истязовать, но свободно подаваемою довольствоватися. Слѣдуетъ изъ того и сіе, разскрываетъ авторъ, чтобы епископъ не былъ дерзокъ и скоръ, но долготерпѣливъ и разсудителенъ", въ особенности въ пользованіи принадлежащею ему властію налагать эпитиміи (стр. 41—42). Въ регламентѣ допускается даже возможность и такихъ случаевъ, когда епископы злоупотребляли этою своею властію „ради какой-то прибыли своей или иного коего собственнаго интереса". Регламентъ по этому поводу поучаетъ архіереевъ: „искалибъ они въ толь важномъ дѣлѣ не яже своя, но яже Господа Іисуса" (стр. 49).

Касаясь нравственнаго состоянія высшихъ представителей духовенства, нашъ памятникъ между прочимъ предостерегаетъ ихъ отъ нѣкоторыхъ странныхъ притязаній и даже отъ совершенія извѣстнаго рода преступленій. Очевидно, и притязанія и преступленія, о которыхъ мы хотимъ сказать, во всякомъ случаѣ были возможны, мыслимы. Выступая въ качествѣ проповѣдниковъ, нѣкоторые епископы, безъ сомнѣнія въ силу той спѣси, которая была имъ свойственна, желали слышать со стороны своихъ пасомыхъ лишь похвалы своему ораторству. Поэтому, регламентъ внушаетъ такому проповѣднику. „Аще видитъ отъ слова своего въ народѣ пользу, да не хвалится тымъ. Аще же не видитъ, да не сердйтуетъ, не сердится, и людей за сія да не по-

носитъ“ (стр. 89). Представляется, такимъ образомъ, возможными случаи, когда проповѣдникъ, за неисполненіе своихъ наставленій бранилъ народъ, можетъ быть съ церковной же каѳедры. Въ виду этого, авторъ регламента резонно замѣчаетъ: „Дѣло проповѣдника есть говорить, а обращеніе сердецъ человѣческихъ дѣло Божіе есть“ (Ibid.). Еще менѣе понятною представляется, предполагаемая регламентомъ, возможность прямыхъ преступленій со стороны архіерея. Здѣсь епископъ предостерегается отъ того, что можно назвать грабежомъ. Регламентъ дозволяетъ каждому священно-служителю, начиная отъ архимандрита и кончая послѣднимъ церковно-служителемъ, въ случаѣ тяжкой обиды его архіереемъ или несправедливаго суда надъ нимъ архіерея же, аппелировать на этого послѣдняго въ высшую инстанцію, наприм. въ свят. синодъ. Но такое исканіе высшей правды со стороны потерпѣвшихъ, по предположенію регламента, можетъ сопровождаться для нихъ притѣсненіями отъ архіерея. Можетъ случиться, что архіерей не только станетъ донимать жалобщиковъ разными угрозами, но рѣшится даже, какъ выражается регламентъ, „печатать или грабить домы оныхъ“. „Печатать“, т. е. повидимому, отчислять въ пользу своей казны; что же касается выраженія: „грабить домы“, то для насъ остается неяснымъ, какъ это архіереи могли совершать такое дѣло; но что оно не выходило изъ предѣловъ возможнаго, свидѣтельствуетъ регламентъ (стр. 58).

Регламентъ, какъ видимъ, немного говоритъ о нравственныхъ недостаткахъ вождей церкви своего времени. Хотя и изъ сказаннаго, можно все же дѣлать не маловажные выводы. Обращаемся къ замѣчаніямъ регламента о церковно-общественномъ служеніи архіереевъ. Замѣчанія эти во всякомъ случаѣ очень любопытны. Прежде всего, регламентъ внушаетъ архіереямъ, что какъ бы ни было ревностно и успѣшно ихъ церковно-общественное служеніе, они должны быть скромны въ оцѣнкѣ своихъ заслугъ. Авторъ регламента пишетъ: „Апостолъ, считая за ничто мнѣніе коринѳянъ о своихъ пастыряхъ кичащихся, сказуетъ: что дѣло пастырское имѣетъ весь поспѣхъ (т. е. успѣхъ) и плодъ отъ самого Бога, въ сердцахъ человѣческихъ дѣйствующаго. И изъ того апостолъ выводитъ, что за дѣло сіе человѣку никаяже остается похвала“ (стр. 41). Опять-таки, значитъ, и при

исполненіи архіереемъ его церковно-общественнаго служенія онъ призывается быть далекимъ отъ всякаго рода спѣси, о чемъ регламентъ прилагаетъ, можно сказать, всѣ попеченія.—Въ отношеніи церковно-общественнаго служенія архіереевъ регламентъ особенно настойчиво предписываетъ имъ возможно чаще объѣзжать свои епархіи. Такая настойчивость вытекала, вѣроятно, изъ того, что обязанность эта очень часто забывалась епископами. Регламентъ говоритъ о томъ, „чтобы епископы смотрѣли, хранятся ли въ епархіи его отъ пресвитерей и монаховъ и прочихъ должныя онымъ заповѣди, и чтобъ имѣлъ на сіе духовныхъ фискаловъ (т. е. по просту—благочинныхъ). Обаче понеже сіе—прибавляетъ авторъ—не довольно есть; ибо и фискалы оные, дружа своимъ благодѣтелемъ, или мзду емля, много утаеваютъ, того ради подобаетъ епископу въ годъ или въ два года единожды объитѝ и посѣтить епархію свою“ (стр. 52). Въ примѣръ для подражанія авторъ указываетъ на ап. Павла, неустанно путешествовавшаго для благоустроенія первыхъ церквей. Также нужно отдать честь древней византійской церкви: и ея предстоятели ревностно исполняли эту обязанность. Свои сравнительно небольшія епархіи архіереи обходили ежегодно; обозрѣвая ихъ, они имѣли возможность останавливаться въ каждомъ селеніи на болѣе или менѣе продолжительное время, такъ что могли посѣщать поодиночкѣ дома всѣхъ своихъ пасомыхъ, не исключая и хижинъ бѣдняковъ, чтобы съ каждымъ пастырски обо всемъ побесѣдовать и каждаго наставлять на путь благочестія. Указъ византійскаго императора Алексѣя Комнина вотъ чего требовалъ въ этомъ отношеніи. „Апостолы ни для чего иного обходили вселенную, какъ для того, чтобы преподать правое проповѣданіе всѣмъ людямъ. Итакъ должно и архіереямъ, которые наслѣдовали ихъ честь, каждому подобнымъ образомъ дѣлать въ своемъ округѣ, потому что не служитъ къ униженію архіерея, а напротивъ къ величайшей его чести, если онъ взойдетъ и въ хижину бѣдняка, обстоятельно познакомится съ его положеніемъ и направитъ его на путь благочестія, ибо такой архіерей дѣлается подражателемъ учениковъ Христовыхъ и самого Христа, и этимъ преимущественно исполняетъ обязанность архіерейскаго званія. И „каноникон“ (такъ назывались сборы съ мірянъ епархіи

въ пользу архіерея) для того назначенъ архіереямъ, чтобы каждый, обходя епархію и уча, отъ него питался“ [1]). Такъ гласитъ указъ. А изъ словъ Іоанна Златоуста ясно открывается, до какой степени архіереи простирали свои попеченія надъ пасомыми. Онъ свидѣтельствуетъ: „имѣющій санъ епископа не болѣе ли обойдетъ каждый день домовъ, чѣмъ разносчики, получая отсюда неисчислимыя непріятности“ [2]), предполагается за свою назойливость.

Указывая на необходимость возможно частаго посѣщенія архіереемъ своей паствы, что какъ мы видѣли дѣйствительно соблюдалось въ древней греческой церкви, регламентъ даетъ очень не малочисленныя правила о томъ, при какихъ условіяхъ должна совершаться эта визитація. Очевидно, эта сторона церковно-общественной дѣятельности не изъята была отъ разныхъ недостатковъ. Регламентъ опредѣляетъ. „Время лѣтнее кажется быть удобнѣйшимъ къ посѣщенію, нежели зимнее; се же того ради, что не такъ много лѣтомъ, какъ зимою, и самъ епископъ и церкви посѣщаемыя на кормъ и иныя нужды его издержатъ. Не надобѣ сѣна, а дровъ мало треба. Хлѣбъ, рыба, кормъ конской дешевле. И можетъ епископъ не далече отъ города на полѣ въ палаткѣ время перестоять, чтобы не утруждать священниковъ или гражданъ кватéрою (помѣщеніемъ), наипаче, гдѣ городъ убогій“ (стр. 52—53). Интересно отмѣтить, что здѣсь рѣчь ведется не объ удобствахъ архіерея, а духовенства и народа. Удобства архіерея приносятся въ жертву удобствамъ духовенства и прочей паствы. Ясное дѣло, архіереямъ тѣмъ самымъ рекомендуется довольствоваться малымъ, такая простота, которая едва-ли была ими понутру, особенно если возьмемъ въ разчетъ, что по словамъ регламента, они больше помышляли о царскихъ себѣ почестяхъ. Само по себѣ понятно, что во время визитаціи епархіи, епископъ обязанъ

---

[1]) *Ραλλῆ καὶ Πότλη. Σύνταγμα. Τομ. V, σελ.* 303. Афины.

[2]) Это переводъ словъ Златоуста проф. Е. Е. Голубинскимъ (Исторія русск. церкви. Томъ I, первая полов., стр. 364. М. 1901). Въ петербургскомъ же изданіи Златоуста тоже мѣсто переведено такъ: „Если епископъ не будетъ ежедневно посѣщать домовъ, болѣе городскихъ смотрителей, то отсюда происходятъ невыразимыя неудовольствія“ (Творен. Златоуста въ изд. Петербургск. Академіи. Томъ I, 436. Спб. 1895). Разница въ переводѣ выходитъ оттого, что слово (*μάλλων*) *τῶν ἀγοραίων* проф. Голубинскій переводитъ: „разносчики“, а петербургскіе издатели: „городскіе смотрители“. Точное значеніе спорнаго слова, нужно сказать, не совсѣмъ ясно.

разузнавать о религіозномъ и нравственномъ положеніи посѣщаемой мѣстности, входить въ разсмотрѣніе нуждъ, разбирать жалобы, доносы и т. д. Въ то время, когда онъ занимается этимъ дѣломъ, проживая можетъ быть въ палаткѣ, онъ долженъ, по разсужденію регламента, принимать разнаго рода предосторожности, чтобы не навлечь на себя какихъ-либо нареканій. Регламентъ, на этотъ счетъ, предписываетъ, наприм. слѣдующее. „Покамѣсть епископъ доносенныхъ дѣлъ не управитъ, и самъ къ себѣ гостей не позоветъ (т. е. не долженъ звать) и званный къ инымъ не пойдетъ, чтобы не обольстился трактаментомъ (пріёмомъ и угощеніемъ) или поне(же) подозрѣнія бы на себя не подалъ, что онъ судитъ по пристрастію за угощеніе свое". Однакожъ регламентъ не разрѣшаетъ епископу долго оставаться въ одномъ и томъ же посѣщаемомъ мѣстѣ. „Есть ли же дѣло—продолжаетъ регламентъ, явится долгаго времене требующее (за разными препятствіями), то оное дѣло отложить ко управленію (къ рѣшенію) въ домъ свой. А это для того, чтобъ ему на единомъ мѣстѣ недолго гостить и сталобъ ему времени къ посѣщенію всея епархіи". Очень любопытно, по своему содержанію, дальнѣйшее предписаніе автора регламента. „Если епископъ похощетъ звать къ себѣ гостей, то весь бы тотъ трактаментъ своею казною отправлялъ, а не налагалъ бы побору на священство или на монастыри. И не можетъ извиниться тѣмъ, что онъ бѣденъ, ибо не по долгу, но по свободной своей волѣ звать гостей или не звать будетъ". Въ послѣднихъ словахъ звучитъ какъ будто даже иронія. Интересно отмѣтить, что въ тѣ времена архіереи при объѣздѣ, не извѣстно для чего, устрояли даже пиршества, чего въ настоящее время уже не дѣлается. Но при этомъ не нужно забывать, что такія пиршества, очевидно, имъ ничего не стоили, ибо онѣ устроялись на счётъ мѣстнаго духовенства и мѣстныхъ монастырей; значитъ архіереи были очень далеко отъ того, чтобы останавливаться въ какихъ либо полевыхъ „палаткахъ". Въ числѣ другихъ обязанностей, возлагаемыхъ регламентомъ на архіерея при объѣздѣ имъ епархіи, обращаетъ на себя наше вниманіе слѣдующая: „спроситъ епископъ священства, т. е. священниковъ, и прочихъ человѣкъ: не дѣлаются ли гдѣ суевѣрія; не обрѣтаются ли кликуши; не проявляетъ ли кто для

скверноприбытства ложныхъ чудесъ при иконахъ, при кладезяхъ, источникахъ и проч. И таковыя издѣлія, т. е. выдумки, епископъ запретитъ со угроженіемъ клятвы (т. е. анаѳемы) на противляющихся упрямцовъ" (стр. 55—56). Если мы хорошо знаемъ, какое безчисленное множество суевѣрій объемлетъ народную мысль и чувство въ наше время, то понятно, насколько больше было этого зла въ прежнія времена. Суевѣріе прямо-таки вытѣсняло здравую вѣру. Но интересно было бы знать: насколько сами епископы въ этомъ отношеніи отличались отъ прочаго народа? Не подавали ли они сами неназидательнаго примѣра другимъ въ этомъ случаѣ? Наконецъ, передадимъ еще одинъ пунктъ инструкціи, касающейся объѣзда епархіи архіереемъ. Этотъ пунктъ говоритъ объ архіерейской свитѣ при объѣздахъ. Регламентъ внушаетъ: „Крѣпко заповѣдать долженъ епископъ служителемъ своимъ, чтобъ въ посѣщаемыхъ городахъ и монастыряхъ благочинно и трезво пребывали, и не творилибъ соблазна, наипаче же не домогались бы у мниховъ и поповъ кушанья, и питья и конскаго корму лишняго. Кольми паче не дерзали бы грабить подъ опасеніемъ жестокаго наказанія. Ибо слуги архіерейскіе обычнѣ бываютъ лакомые скотины, и гдѣ видитъ власть своего господина, тамъ съ великою гордостію и безстудіемъ—безстыдствомъ,—какъ татàре на похищеніе устремляются" (стр. 56).

Изобразивъ церковно-общественныя задачи дѣятельности архіерея по регламенту, задачи, опредѣлявшіяся недостатками, характеризовавшими церковно-общественное служеніе епископства тѣхъ временъ, мы съ тѣмъ вмѣстѣ почти достигли конца нашего дѣла, поскольку оно касается такого памятника, какъ Духовный регламентъ. Остается прибавить очень немногое. Этотъ памятникъ, между прочимъ, имѣетъ своею цѣлію упорядочить матеріальное положеніе архіереевъ, предписавъ имъ возможную умѣренность и непритязательность въ этомъ отношеніи, какъ можно догадываться, потому, что эти правила часто нарушались. Регламентъ такъ пишетъ: „указуется имъ, епископамъ, чтобъ лишнихъ служителей не держали, не нужныхъ строеній не дѣлали; такожъ священнаго себѣ одѣянія и своего платья надъ подобающую чести своей потребу не умножали" (стр. 40). По всей вѣроятности, не оправдываемыя надобностями, постройки,

умноженіе свящ. одѣянія, а равно и разнообразіе личнаго гардероба—вытекали у архіереевъ изъ суетнаго и тщеславнаго желанія, какъ можно выдѣлиться изъ ряда окружающаго ихъ общества. Противъ пристрастія архіереевъ накоплять деньги и богатство, регламентъ постановляетъ слѣдующее правило: „по смерти архіереевъ, архимандритовъ и прочаго монашескаго чина личнаго ихъ имѣнія родственникомъ и свойственникомъ ничего не давать“, но такое предписывается обращать въ собственность синодской или монастырской казны (стр. 178). Какъ жаль, что теперь забыто это мудрое правило, забыто по крайней мѣрѣ по отношенію къ высшей іерархіи изъ монашествующихъ!

Нѣтъ сомнѣнія, Духовный регламентъ не имѣлъ цѣлію выставить на показъ всѣ недостатки современной церкви. Петръ великій, какъ мы знаемъ, находилъ „много нестроеній въ духовномъ чинѣ“, „великую въ дѣлахъ его скудость“. Обо всемъ этомъ нашъ памятникъ даетъ ограниченное понятіе. Но есть одна сторона „духовнаго чина“, которой регламентъ касается смѣлою рукою,—разумѣемъ тѣ факты и явленія, которыя стояли въ связи съ очень чувствительнымъ недостаткомъ высшаго духовенства своего времени, недостаткомъ, который именуется здѣсь „спѣсью“. Въ этомъ отношеніи встрѣчалось много такого, что являлось какъ-бы какимъ-то наслѣдствомъ отъ временъ отдаленныхъ въ жизни церкви.

Въ общемъ жизнь высшаго духовенства временъ Петра, если къ даннымъ Регламента присоединимъ нѣкоторыя немногія извѣстія изъ другихъ литературныхъ источниковъ, представляла слѣдующую картину. Положеніе высшаго духовенства этой эпохи оставляло желать многого лучшаго. Архіереи давали поводъ къ замѣчанію, что не „всякъ епископъ можетъ чистое слово сложить“. Даже патріархъ вызывалъ и со стороны свѣтскаго общества и со стороны духовенства нареканія и упреки въ невѣжествѣ, когда не отличалъ обряда отъ догмата, формы отъ сущности, требовалъ перекрещивать крещенныхъ чрезъ обливаніе, объявлялъ бритье бороды искаженіемъ образа Божія въ человѣкѣ и пр. [1]).

---

[1]) Рункевича С. Исторія русской церкви подъ управленіемъ св. синода. Т. I, стр. 5. Спб. 1900.

Недостатокъ образованія велъ къ пустому тщеславію и напыщенности выше всякой мѣры. Среди архіереевъ попадались, какъ мы знаемъ, такіе, которые „ревновали о вельми жестокой славѣ“, чуть ли, не претендуя на честь „равную царской“. Находясь въ вожделѣнномъ здравіи, они для пущей важности заставляли водить себя подъ руки, не стыдились принимать земные поклоны отъ „подчиненной братіи“, которая „стлалась на землю“. Нечего и говорить о томъ, что при такомъ положеніи вещей разстояніе между архіереями и прочимъ духовенствомъ, а равно и паствою, чрезмѣрно увеличилось. Кандидатовъ, являвшихся для поставленія на священство, когда подвергали ихъ испытанію, не пускали даже въ архіерейскія сѣни, а держали на крыльцѣ, хотя бы въ зимнюю стужу, по 5—6 часовъ, заставляя ихъ приходить туда „мучиться“ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. А тотъ жалкій сбродъ, который окружалъ архіерея въ качествѣ его приближенной свиты (какъ „лакомыя скотины“) спѣшилъ вытянуть послѣднюю копейку у деревенскаго бѣдняка. Если кто изъ духовенства хотѣлъ искать архіерейскаго суда, то „сторожа въ приказъ даромъ ни за что“ не пускали, а къ какому-нибудь дьяку являться безъ взятки не рѣшился бы и самъ истецъ. Легко себѣ представить, до какой степени въ такихъ случаяхъ утрачивалось понятіе объ обязанностяхъ архіерейства. Въ одной жалобѣ мѣтко было замѣчено, что къ воротамъ святителя страшно и приблизиться, какъ къ вратамъ адовымъ. Недоступность архіереевъ для духовенства была причиной ихъ частой „оплошки“, ошибокъ, когда они вполнѣ полагались на своихъ „служебниковъ“, т. е. приспѣшниковъ, а эти напередъ были подкуплены людьми провинившимися или недостойными. Кромѣ того, среди архіереевъ встрѣчались и такія лица, которыя не безъ основанія терпѣли обвиненіе въ лихоимствѣ, потворствѣ и неправдѣ, дозволяли себѣ собственноручную расправу съ членами клира и т. д. Религіозная жизнь общества носила печать огрубѣнія и суевѣрій. Митрополитъ ростовскій Димитрій писалъ, что съ трудомъ можно найти истиннаго сына церкви; почти въ каждомъ городѣ изобрѣтается особая „вѣра“ [1]). Господствовали суевѣрія, а подъ ихъ покровомъ

[1]) Тамъ же, стр. 5, 6, 15.

всевозможныя злоупотребленія. Ложныя чудеса обольщали довѣрчивую народную толпу; появлялись ложныя святыни, именно, по выраженію регламента „мощи сумнительныя“ и „чуждыя нѣкія“, вообще, по словамъ этого памятника, случалось, что воздавались почести „тѣлесамъ мертвыхъ не свидѣтельствованныхъ“ т. е. неканонизованнымъ мощамъ. (Рег., стр. 26. 36). Распространялись выдуманные разсказы изъ жизни святыхъ, или, какъ выражается Регламентъ, „исторіи святыхъ, сказующія чего не было; или православному ученію противныя, или бездѣльныя и смѣху достойныя повѣсти“ (стр. 23). Не говоримъ ужъ о кликушествѣ, знахарствѣ, колдовствѣ и т. п. Рядомъ съ этимъ, бросался въ глаза страшный упадокъ нравственности. „Современные проповѣдники восклицали въ своихъ проповѣдяхъ, что нечестіе дошло до послѣдней степени. По рѣзкому замѣчанію одного писателя нашего времени, „духовенство и міряне этой эпохи старались превзойти другъ друга не умомъ и добродѣтелями христіанской жизни, а пороками“ (проф. И. Покровскій). Характеристику духа времени можно находить у Прокоповича въ его проповѣди въ день открытія Синода. Онъ отмѣчаетъ, господствовавшую тогда, странную самоувѣренность, выражавшуюся въ афоризмахъ: „у насъ, слава Богу, все хорошо“, или: „здоровые не требуютъ врача“, а между тѣмъ „все хорошее“, „все здоровье“ исчерпывалось, по словамъ проповѣдника тѣмъ, что „слѣпые водили слѣпыхъ“ [1]). Вообще церковная жизнь была въ большомъ застоѣ, оставалась мертва. Матеріальная сторона церковнаго быта—и она не представляла ничего привлекательнаго. Въ этомъ отношеніи хуже всего было то, что архіереи не стѣснялись выборомъ источниковъ, изъ которыхъ можно было извлекать выгоды для церкви. Нѣкоторые изъ нихъ, не обинуясь, для привлеченія богомольцевъ объявляли тамъ или здѣсь какую-нибудь икону чудотворною, когда она была совсѣмъ чужда такой благодати. Духовный регламентъ разсказываетъ: „нѣціи архіереи, для вспоможенія церквей убогихъ, или новыхъ построенія, повелѣвали проискивать явленія иконы въ пустынѣ (въ пустырѣ) или при источницѣ, и икону оную за самое обрѣ-

1) Ѳеофана. Слова и рѣчи поучительныя, похвальныя и т. д. Часть II, 66—67. Спб., 1761.

теніе свидѣтельствовали быти чудотворную“ (стр. 27). Хороши же были эти „нѣціи архіереи“! Не даромъ одинъ обличительный голосъ изъ петровскаго времени говорилъ: „пастыри наши не о паствѣ своей заботятся, но о золотѣ и серебрѣ, о зданіяхъ и помѣстьяхъ, объ украшеніи ризъ“, т. е. своего платья [1]).

IV. Отъ Петра I-го до нашего времени утекло много воды, прошло чуть не два столѣтія. Естественно спросить: что представляла собою церковная жизнь этого значительнаго періода времени въ нашемъ отечествѣ? Насколько улучшилась она, если улучшилась, и въ какихъ отношеніяхъ? Во всякомъ случаѣ, не лишнее узнать, насколько церковь прислушивалась и примѣняла къ дѣлу тѣ не несправедливыя требованія, которыя разскрывались и рѣшительно предъявлялись „Духовнымъ регламентомъ“? Вопросъ этотъ прямо вытекаетъ изъ того извѣстнаго факта, что „Регламентъ“ не есть книга, отжившая свой вѣкъ; нѣтъ оффиціальною церковію она до сихъ поръ считается неотмѣненнымъ руководствомъ для высшаго духовенства и прочихъ пастырей нашей церкви. Регламентъ остается тѣмъ зеркаломъ, въ которое должна смотрѣться наша церковь, чтобы знать—въ одеждѣ ли она брачной? Къ сожалѣнію, обозрѣть жизнь нашей церкви за двухсотлѣтній періодъ, здѣсь и сейчасъ, конечно, невозможно. Всего не перескажешь. Остается ограничиться чѣмъ нибудь немногимъ взамѣнъ всей „многочастной и многообразной“ церковной жизни двухъ столѣтій.

При изученіи трехъ предшествовавшихъ моментовъ изъ церковной жизни, чтобы не слишкомъ разбрасываться въ своемъ дѣлѣ, мы останавливали свое вниманіе главнымъ образомъ на какой-нибудь одной книгѣ, или же книгахъ, написанныхъ однимъ и тѣмъ же писателемъ, и служащихъ нашей цѣли. Такъ для сужденія о положеніи іудейской церкви временъ Христа мы обращались къ евангелію Матѳея, для обстоятельнаго ознакомленія съ состояніемъ византійской церкви IV вѣка мы руководились твореніями Григорія Богослова; а для разрѣшенія вопросовъ о томъ, чѣмъ была русская церковь во дни Петра I-го предъ ея преобразованіемъ, мы смѣло брали въ руки такое авторитетное произведеніе,

---

1) Рункевичъ, тамъ же, стр. 19.

какъ Духовный регламентъ. Всѣ эти произведенія, не смотря на весьма неодинаковое достоинство ихъ авторовъ, носятъ большое единство въ томъ отношеніи, что они представляютъ собою судъ и критику надъ образомъ жизни и дѣятельностію никого другого, какъ именно „вождей“ церкви. Теперь спрашивается: есть ли и можно ли указать какое-либо сочиненіе, намъ современное и во всякомъ случаѣ не слишкомъ отдаленное отъ нашего времени, которое могло бы служить цѣли? Назадъ тому 5 годовъ, мы, съ грустью, должны были бы сказать, что ничего такого намъ неизвѣстно; а теперь, съ увѣренностію можемъ отвѣчать: таковая книга есть. Я разумѣю обширное сочиненіе (болѣе 800 страницъ) подъ такимъ заглавіемъ: „Матеріалы для исторіи православной церкви въ царствованіе императора Николая I-го“. Сочиненіе, въ двухъ частяхъ, издано „Императорскимъ русскимъ историческимъ Обществомъ“. Написано оно было давно, а авторомъ его былъ извѣстный талантливый церковный писатель М. Я. Морошкинъ, теперь уже умершій; увидѣло же оно свѣтъ лишь въ 1902 г.[1])

Полагая въ основу нашего дальнѣйшаго изложенія книгу о. Морошкина, мы однакожъ не будемъ устраняться и другихъ извѣстій, иллюстрирующихъ положеніе дѣлъ, котораго касается эта книга; и само собой понятно, дадимъ мѣсто за-

---

[1]) Мы точно не знаемъ, въ чемъ заключалась первоначальная цѣль сочиненія о. Морошкина. Принимая же въ соображеніе то, что говорится въ предисловіи автора и краткой ремарки издателей, можно думать, что собирались эти матеріалы церковнаго характера съ цѣлію—критически оцѣнить положеніе церкви продолжительнаго царствованія Николая и указать, въ какихъ отношеніяхъ это положеніе нуждалось бы въ реформахъ. Мы ни на минуту не должны выпускать изъ вниманія, что царствованіе Александра II, въ началѣ котораго, повидимому, и написано это сочиненіе (о. Морошкинъ ум. въ 1870 г.), было въ извѣстномъ смыслѣ повтореніемъ царствованія Петра: оно одушевлено было стремленіемъ къ реформамъ. Возможно, что сочиненіе о. Морошкина, хотя бы больше всего по личной волѣ доброжелательнаго автора, должно было указать направленіе и характеръ наиннужнѣйшихъ реформъ въ области церкви. Поэтому сочиненію нужно приписывать большую важность: оно написано по архивнымъ даннымъ, совершенно безпристрастно; портреты архіереевъ тѣхъ временъ рисуются здѣсь во весь ростъ, съ указаніемъ многихъ недостатковъ въ ихъ жизни, недостатковъ, оффиціально засвидѣтельствованныхъ. По всѣмъ видимостямъ оно назначалось для личнаго употребленія Александра II и написано по документамъ непререкаемаго авторитета. То обстоятельство, что трудъ о. Морошкина появился въ печати такъ поздно, служитъ лишь рекомендаціею для него. Очевидно, долго думали, прежде чѣмъ напечатать его: боялись, какъ бы гусей не раздразнить. Странно одно: богословская литература прошла молчаніемъ это замѣчательное твореніе.

мѣчаніямъ о положеніи церкви съ изучаемыхъ нами сторонъ въ послѣдующее время и въ частности въ настоящее время. Но замѣчанія этого рода по необходимости будутъ немногочисленны и кратки.

О. Морошкинъ даетъ массу свѣжаго и интереснаго матеріала касательно жизни и дѣятельности архіереевъ изслѣдуемаго имъ времени. Поэтому, чтобы не растеряться и не утонуть въ массѣ его любопытныхъ извѣстій и характеристикъ, слѣдуетъ положить какія нибудь границы для нашего очерка. Такими границами мы поставимъ слѣдующее: Духовный регламентъ изобилуетъ разнаго рода прещеніями и директивами по адресу архіереевъ. Теперь спрашивается: какъ относились архіереи къ этимъ прещеніямъ и строгимъ предписаніямъ? Слушались ли ихъ или же пропускали ихъ мимо ушей? Другими словами: становились ли архіереи на ту высоту, стать на которую призывалъ ихъ регламентъ, во имя задачъ ихъ дѣятельности? Такимъ образомъ, регламентъ сдѣлается для насъ руководителемъ въ выборѣ для изслѣдованія тѣхъ или другихъ сторонъ архіерейской жизни.

Очень суровой приговоръ относительно архіереевъ изучаемой эпохи даетъ человѣкъ, на глазахъ котораго протекла жизнь всьма многихъ предстоятелей нашей церкви. Разумѣемъ оберъ-прокурора св. Синода графа Протасова, въ теченіе 20-ти лѣтъ занимавшаго эту отвѣтственную должность (1836—1855 г.). По свидѣтельству о. Морошкина[1]) Протасовъ „смотрѣлъ на архіереевъ, какъ на касту, господствующую надъ бѣлымъ духовенствомъ и угнетающую это послѣднее“; „онъ радъ былъ преслѣдовать ихъ за злоупотребленіе властію. Онъ часто обращалсл къ архіереямъ съ нецеремонными фразами: „батюшка, что это у васъ за безпорядокъ? На что это похоже? Что вы смотрите“?[2]) Спра-

[1]) Морошкина, М. Я. Матеріалы для исторіи прав. церкви въ царствованіе Николая I. Сборникъ русск. историч. Общества. Томъ 113, часть I, стр. 161. Сборникъ, т. 113, состоитъ изъ двухъ частей: обѣ изданы въ Спб., 1902 г. Далѣе въ нашей работѣ цифры I и II будутъ указывать на ту или другую изъ этихъ частей, при чемъ будутъ означаться и страницы части.

[2]) Тотъ же о. Морошкинъ говоритъ о Протасовѣ: „у него на судѣ (т. е. въ его глазахъ) равны были и дьячекъ и архіерей. Съ его эпохи узнали, что и архіереевъ можно судить“ (I, стр. 161). Между прочимъ этотъ авторъ указываетъ слѣдующій любопытный фактъ: „епископъ Иннокентій (Александровъ, † 1869), по жалобѣ на него воспитанника Екатеринославской семинаріи, получилъ отъ Синода жестокій выговоръ“ (II, 383). Но вообще—

шивается: имѣлъ ли основаніе оберъ-прокуроръ Протасовъ такъ сурово относиться къ архипастырямъ русской церкви? Не былъ ли онъ самъ повиненъ въ данномъ случаѣ въ злословіи и придирчивости? А посмотримъ.

Обратимъ прежде всего наше вниманіе на интеллектуальную сторону въ положеніи высшаго духовенства. Духовный регламентъ дѣлаетъ слѣдующіе упреки этому духовенству своего времени. Оно надмѣвалось „привидѣннымъ“ (т. е. призрачнымъ) и „мечтательнымъ“ (т. е. позволявшимъ много о себѣ думать) „ученіемъ“, вслѣдствіе котораго, вкусившіе этого ученія, люди бывали глупѣе совсѣмъ неученыхъ. Оно, высшее духовенство, далѣе считало себя совершенствомъ и думало, что „все что-либо знать мощно, оно познало“. Далѣе: будучи невѣжественно, оно однакожъ бралось за богословствованіе, при чемъ подобныя лица „изреченнаго своего мнѣнія перемѣнить отнюдь не хотѣли, чтобъ не показать себя, что не все знаютъ“. Такихъ людей Регламентъ объявляетъ весьма „вредными и для государства и для церкви“. Естественно спросить себя: изчезли ли эти непріятныя черты въ высшемъ духовенствѣ, изучаемаго нами теперь, царствованія? Отвѣтимъ. То несомнѣнно, что образованіе, въ особенности богословское, распространилось и пустило корни, если будемъ принимать во вниманіе всю совокупность архіерейскаго персонала изучаемаго времени. Уже теченіе самого времени условливало прогрессъ въ этомъ отношеніи. Невѣжество отходило въ область преданія. Но съ другой стороны, нельзя не отмѣчать того явленія, что богословское образованіе даннаго времени носило своеобразный характеръ. Людей, дѣйствительно интересовавшихся наукою, было очень мало. Высшая духовная власть равнодушно смотрѣла на это дѣло. Для нея эта наука представлялась не дѣйствительною

то, по очень понятной причинѣ, „Синодъ не охотно приступалъ къ производству слѣдствія надъ архіереями“ (тамъ же, 3). Даже и самъ грозный Протасовъ не могъ укоренить въ синодалахъ мысли, что „дьячекъ и архіерей равны“ предъ лицемъ суда. Архіеп. Никаноръ Бровковичъ разсказываетъ, что когда въ 1853 г., „однажды въ синодѣ докладывалась жалоба какого-то дьячка на епархіальнаго архіерея, то одинъ изъ именитѣйшихъ іерарховъ, одинъ изъ незыблимыхъ столповъ церкви своего времени, остановилъ докладъ выраженіемъ недовольства и изумленія: „го! вотъ! дьячекъ! смѣетъ жаловаться на архіерея“! (Архіеп. Никанора. Біографич. записки, ч. I, 246. Одесса, 1900).

потребностію, а какимъ-то декорумомъ, который нуженъ былъ лишь для того, чтобы со стороны казалось, что въ церковномъ вѣдомствѣ есть и поощряется наука. Богословская наука имѣла своимъ главнымъ назначеніемъ подтверждать традиціонныя воззрѣнія, не обладая правомъ анализировать и критиковать эти воззрѣнія. Если кто хоть на іоту отступалъ отъ принятыхъ взглядовъ, тотъ рисковалъ услышать грозное слово и подвергнуться наказанію. Поэтому богословская наука у насъ, въ отличеніе отъ западной, была мертвечиной. Сколько нибудь знаменитыхъ экзегетовъ, церковныхъ историковъ, и богослововъ-догматистовъ въ тѣ времена почти не встрѣчаемъ. Тотъ профессоръ богословской науки считался наилучшимъ, о комъ до высшихъ властей не доходило никакихъ слуховъ. Если же о немъ начинали говорить, да еще и самъ онъ позволялъ себѣ литературные споры, то онъ слылъ за человѣка безпокойнаго, не умѣстнаго въ церковныхъ сферахъ, гдѣ должны господствовать— де миръ и тишина (да тихое и безмолвное житіе поживемъ).

А еще чаще встрѣчалось много такого, что съ большою рѣзкостію обличалъ и осмѣивалъ Духовный регламентъ въ сейчасъ цитированныхъ нами его словахъ. Приведемъ нѣкоторые примѣры. Въ указанное выше царствованіе жилъ на свѣтѣ нѣкій архіепископъ Варлаамъ Успенскій († 1876). Этотъ архіерей былъ человѣкъ грубый, своенравный, суевѣръ, врагъ всякой новизны, какъ бы она ни была полезна, видѣвшій въ каждомъ отступленіи отъ рутины вольнодумство и ересь, смотрѣвшій на просвѣщеніе, какъ на заразу и порчу нравственности, упрямый до смѣшного, готовый идти на ножъ изъ-за своихъ убѣжденій, хотя бы они были ошибочны (II, 328). Портретъ этого Варлаама, какъ видимъ, представляетъ точное воспроизведеніе тѣхъ архіерейскихъ чертъ, которыя съ такою силою порицалъ Регламентъ въ епископахъ эпохи предреформенной. Подтвердимъ же фактами указанную характеристику этого архіепископа. Профессоръ одной духовной семинаріи заподозрѣнъ былъ Варлаамомъ въ вольнодумствѣ и еретичествѣ за то, что выпустилъ изъ Бургіева учебника по риторикѣ „хріи“, за то, что обращался гуманно съ семинаристами и давалъ имъ темы для сочиненій изъ дѣйствительной жизни, какъ, наприм., описаніе

святокъ, лѣта, а не изъ св. Писанія[1]). Суевѣріе Варлаама простиралось такъ далеко, что походило на вѣру въ бабьи басни. Преосвященный имѣлъ терпѣніе вести дневникъ своихъ сновъ, такъ какъ вѣрилъ, по его словамъ, въ значеніе ихъ. А самый поразительный примѣръ, свидѣтельствующій о его суевѣріи, состоялъ въ слѣдующемъ. На тропинкѣ, ведущей отъ архіерейскаго дома въ баню, Варлаамъ нашелъ одну ничтожную принадлежность нижняго бѣлья, служащую обыкновенно въ простонародьѣ вмѣсто подтяжекъ. Вещь сама по себѣ не стоила никакого вниманія. Но нашъ архіерей вообразилъ, что она брошена съ цѣлію „испортить“ его, т. е. наворожить на него. И вотъ онъ приказываетъ отыскать человѣка, покусившагося его испортить, и когда такимъ зловреднымъ человѣкомъ оказался пѣвчій, архіерей, не понимая, что онъ дѣлаетъ, приказалъ потрижды въ день сѣчь мнимаго преступника, съ цѣлію заставить его сознаться въ злоумышленіи. Умственный кругозоръ Варлаама, наконецъ, достаточно открывается изъ того, что онъ былъ увѣренъ, что будто Византія и царство греческое, потерявши политическое бытіе, вмѣстѣ съ тѣмъ потеряли и знаніе богословскихъ догматовъ, — мысль болѣе приличная раскольнику, чѣмъ просвѣщенному православному архіерею (II, 328. 330. 335.).—Остановимъ свое вниманіе еще на другомъ примѣрѣ. На немъ мы увидимъ съ какимъ пренебреженіемъ и подозрѣніями относились архіереи къ представителямъ богословской науки даже въ Академіяхъ. Къ глубокому сожалѣнію, въ самомъ некрасивомъ видѣ намъ приходится говорить о комъ же? О знаменитомъ митрополитѣ Макаріѣ Булгаковѣ. То, что намъ нужно будетъ отмѣнить, представлялось бы совершенно невѣроятнымъ, если бы объ этомъ сообщалъ кто-либо другой, а не самъ потерпѣвшій. Въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ, значитъ въ правленіе Николая I, назначенъ

---

[1]) Авторъ очень интересныхъ *Записокъ*, протоіер. *В. Г. Пѣвницкій*, этого же самаго Варлаама именуетъ „сумасброднымъ“ архіереемъ, принимая во вниманіе его издѣвательство и глумленіе надъ учителями семинаріи (въ Пензѣ), не исключая ректора („Русск. Старина“, 1905, іюль — сент., стр. 332—3). Протоіерей Пѣвницкій, нужно сказать, пишетъ свои „Записки“ на основаніи личныхъ наблюденій или же на основаніи показаній людей, принимавшихъ участіе въ событіяхъ и бывшихъ очевидцами ихъ. Авторъ отличается большою наблюдательностію и критическимъ чутьемъ, а также живостью изложенія. Мы еще не разъ будемъ пользоваться услугами автора.

былъ профессоромъ обличительнаго богословія въ столичную академію молодой іеромонахъ (впослѣдствіи архіепископъ, † 1890 г.) Никаноръ Бровковичъ. Прошелъ первый годъ его профессорства; молодой ученый очень заинтересовался своею каѳедрою. Можно было ожидать добрыхъ плодовъ. Но вотъ неожиданно приглашаетъ его къ себѣ ректоръ, преосвящ. Макарій и даетъ ему слѣдующее приказаніе, въ такомъ тонѣ, какъ будто бы дѣло шло о чемъ-нибудь самомъ пустячномъ: „вотъ что, о. Никаноръ, вы будете теперь читать введеніе въ богословіе. Мнѣ некогда, слишкомъ я занятъ". (Нужно сказать, что до этого дня введеніе въ богословіе преподавалъ самъ владыка). Въ моей книгѣ—прибавилъ владыка, вы найдете все, что нужно сказать съ положительной стороны" (т. е. Макарій указывалъ молодому профессору на свою книгу: введеніе въ богословіе). Трудно представить себѣ бо̀льшее неуваженіе къ наукѣ, чѣмъ какое выразилось въ указанномъ приказаніи владыки? Онъ мѣняетъ предметы преподаванія у профессора съ такою же непринужденностію, съ какою хозяйка мѣняетъ меню блюдъ у себя на кухнѣ. Но это было бы еще полбѣды для Никанора. Съ перемѣщеніемъ его съ одной каѳедры на другую для него начался рядъ тяжкихъ страданій и даже нестерпимыхъ оскорбленій. Не прошло и года, какъ послушный Никаноръ бросилъ свою прежнюю науку и засѣлъ за изученіе и преподаваніе „введенія", вдругъ преосв. Макарій снова призываетъ къ себѣ злосчастнаго профессора и заявляетъ. „Послушайте, о. Никаноръ, говоръ о васъ ходитъ въ городѣ. Вы, тамъ на лекціяхъ, касаетесь щекотливыхъ вопросовъ. Это толкуютъ не только студенты, но и выносятъ въ городъ. Я теперь васъ предупреждаю. Но если толки не прекратятся, я переведу васъ—да и теперь не перевести ли—на греческій языкъ"? Не угодно-ли, прибавлю я, на греческій языкъ, а языки въ Академіяхъ считаются самыми захудалыми каѳедрами. Право, профессура въ то время мало чѣмъ отличалась отъ кабалы. Въ чемъ заключалась неосторожность Никанора, это онъ самъ разъясняетъ такъ. Тогда все было переполнено толками о книгѣ Штрауса: Das Leben Iesu, о которой однакожь никто изъ профессоровъ академіи ни слова не упоминалъ на лекціяхъ. „Таковъ былъ тогда, говоритъ Никаноръ, духъ академическаго преподава-

нія,—подобные щекотливые вопросы замалчивались". А молодой профессоръ вздумалъ отступить отъ такого мудраго правила. Оказалось, онъ пріобрѣлъ нѣмецкую книжку, заключавшую опроверженіе Штрауса, составилъ на основаніи ея лекцію противъ этого писателя и въ продолженіи получаса излагалъ ее предъ аудиторіею. Каковъ либерализмъ! Разсказавъ объ этомъ инцидентѣ, Никаноръ, въ своихъ автобіографическихъ запискахъ, кстати сообщаетъ свѣдѣнія о томъ, какъ въ тѣ блаженныя времена высшіе члены духовенства, состоя профессорами, относились къ соблазнительнымъ съ ихъ точки зрѣнія, геологическимъ выводамъ, неблагопріятнымъ для библейскаго ученія о семидневномъ міротвореніи. Но приведемъ собственныя слова Никанора. Ректоръ Академіи, преосв. Макарій говорилъ предъ своими слушателями, посвящая вопросу пять минутъ: „что—молъ нѣкоторые толкуютъ, будто подъ днями міротворенія слѣдуетъ разумѣть цѣлые періоды времени; но это—де пустяки. Въ священномъ—де писаніи вездѣ еврейское слово „іом" понимается въ смыслѣ дня. И только"! Но еще проще, раздѣлался, по словамъ Никанора, съ непріятнымъ для догматиста вопросомъ, другой профессоръ, ректоръ петербургской семинаріи Леонтій Лебединскій, впослѣдствіи нашъ митрополитъ († 1893). Приводимъ точныя слова повѣствователя. Леонтій, „коснувшись въ богословскомъ классѣ того же семидневнаго творенія, высказался весьма типично въ замѣчаніи, что „молътамъ геологи роются въ землѣ, какъ жуки въ г—нѣ"[1]). Но возвратимся къ судьбѣ самого Никанора. Разъ этому пришло въ голову изложить на лекціяхъ по введенію въ богословіе Кантову критику доказательствъ бытія Божія, съ тѣмъ, чтобы дать съ своей стороны новую постановку для этихъ доказательствъ. Но изъ этого невиннаго предпріятія вышла крупнѣйшая непріятность для него. Владыка Макарій потребовалъ самонадѣяннаго профессора къ себѣ. „Сказать, что онъ при этомъ съ грязью смѣшалъ меня, пишетъ Никаноръ, это мало. Онъ не растеръ меня въ порошокъ потому, что это сдѣлать нельзя было; но готовъ былъ отбросить меня, какъ мерзскаго червя". Произошла слѣдующая возмутитель-

---

[1]) Архіеп. Никаноръ. Біографическіе матеріалы. Подъ редакціей С. Петровскаго. Т. I, 257—258. Одесса, 1900.

ная сцена. „Что вы тамъ такое“? кричалъ Макарій. „Опроверженіемъ доказательствъ бытія Божія занимаетесь? И вы осмѣлились поднять хульный языкъ на кого?! На бывшаго наставника, на своего ректора! Прямо мнѣ въ глаза“ (очевидно Макарію наговорили, что Никаноръ разбиралъ мысли перваго, изложенныя имъ въ вышеупомянутомъ: „введеніи въ богословіе“). „Да вы знаете ли?! Мое сочиненіе признано всѣми, какъ образцовое, до котораго вамъ никогда не дорости. Вѣдь вы знаете, что выходитъ? Моська лаетъ на слона. Тьфу!. Вознамѣрился было, добавляетъ повѣствователь, плюнуть на меня, но отвернулся и плюнулъ черезъ столъ на полъ“[1]). Замѣтимъ кстати, что не одинъ Макарій Булгаковъ употреблялъ плевки въ качествѣ наидѣйствительнѣйшихъ полемическихъ аргументовъ. Такой же пріемъ любилъ и епископъ Виталій Щепетевъ († 1846) въ бытность ректоромъ петербургской академіи. О. Морошкинъ говоритъ: „Виталій во время чтенія лекцій студентамъ сидѣлъ по большей части обратившись къ нимъ спиною (очевидно, онъ былъ самаго презрительнаго мнѣнія о своихъ слушателяхъ); когда же кто-нибудь изъ смѣльчаковъ студентовъ рѣшался въ это время возражать ему противъ его тезисовъ, тогда онъ обыкновенно дѣлалъ полуоборотъ на профессорскихъ креслахъ, и какъ можно больше набравъ во рту слюней, плевалъ въ ту сторону и по тому направленію, гдѣ сидѣлъ дерзкій оппонентъ (II, 177); о результатѣ же своихъ полемическихъ плевковъ, ученый мужъ мало заботился, а они могли быть очень существенны. Но доскажемъ безобразную исторію съ Никаноромъ. Макарій, не ограничившись ругатней по адресу молодаго профессора, донесъ своему начальству, петербургскому митрополиту, что Никаноръ оказался неправославенъ (тяжкое обвиненіе!); митрополитъ приказалъ ректору взять проштрафившагося въ свои руки. Никанору впрочемъ не долго пришлось профессорствовать, и вообще послѣ много лѣтъ его держали, какъ говорится, въ черномъ тѣлѣ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ надъ тѣмъ же Никаноромъ стряслась, по его словамъ новая тяжкая бѣда. Онъ вздумалъ издать въ свѣтъ часть своихъ ученыхъ работъ, именно: „Описаніе раскольническихъ сочине-

[1]) Архіеп. Никаноръ, стр. 259—260.

ній". И что же вышло? Св. синодъ издалъ циркулярный указъ, которымъ приглашалъ русскую церковь молиться отъ навожденія нечистой силы, проявляющейся въ изданіи такихъ пагубныхъ сочиненій, какъ сейчасъ названное сочиненіе и другія въ томъ же родѣ, и распорядился, чтобы впредь подобныя сочиненія, безъ соотвѣтствующей православной критики, не издавались. И такъ „я, Никаноръ, замѣчаетъ онъ самъ, очутился чуть ли не въ числѣ расколоучителей"[1]). Такъ высшій церковный ареопагъ понималъ свою задачу охраненія православія! И замѣтьте, всѣ эти невзгоды происходятъ съ лучшимъ изъ духовныхъ писателей, ознаменовавшимъ свое имя изданіемъ не однихъ многочисленныхъ богословскихъ, но и философскихъ трудовъ, съ докторомъ православнаго богословія.

Въ послѣдующее за описанной эпохой время положеніе богословской науки развѣ немного было лучше. Не имѣя возможности долго останавливаться на этомъ вопросѣ, ограничимся немногими замѣчаніями. Въ 1889 году св. Синодъ издалъ въ руководство духовнымъ академіямъ знаменитую инструкцію, которая произносила строгое сужденіе о магистерскихъ и докторскихъ диссертаціяхъ, уже появившихся въ свѣтъ, и поставляла многія ограниченія и стѣсненія для пріобрѣтателей ученыхъ степеней на будущее время. Инструкція начинается такъ: „во многихъ сочиненіяхъ, представляемыхъ на соисканіе ученыхъ богословскихъ степеней, а такъ же и бывшихъ на разсмотрѣніи синода изданіяхъ профессоровъ дух. академій были допущены воззрѣнія и сужденія, несогласныя съ духомъ и ученія православной церкви. Въ виду сего и въ предупрежденіе появленія на будущее время ученыхъ богословскихъ сочиненій съ нежелательными недосмотрами и погрѣшностями особенно со стороны направленія предложить академіямъ къ непремѣнному руководству и исполненію: 1. Чтобы при разсмотрѣніи докторскихъ и магистерскихъ сочиненій обращаемо было совѣтами академій вниманіе не на одни только ученыя достоинства сочиненія (очевидно, членамъ синода, архіереямъ, это казалось дѣломъ второстепеннымъ), но и на соотвѣтствіе общаго направленія его съ духомъ и достоинствомъ православной церкви, и 2.

---

1) Архіеп. Никаноръ, стр. 362. 380.

чтобы сочиненія заключали въ себѣ такую полноту и опредѣленность изложенія по данному вопросу, при которыхъ не оставалось бы сомнѣнія въ истинности православнаго ученія". (Замѣтимъ: православнаго ученія, которое и самими членами синода понималось не одинаково). Чего въ особенности требовалось избѣгать въ будущихъ диссертаціяхъ, это указываетъ инструкція на примѣрахъ, взятыхъ изъ сочиненій, написанныхъ профессорами академій. „Посему не могутъ быть признаны, гласитъ инструкція, соотвѣтствующими своему назначенію сочиненія, 1) въ которыхъ проводятся неправильные взгляды на происхожденіе и значеніе тѣхъ или другихъ церковныхъ учрежденій и памятниковъ, преданій, обычаевъ. Такъ въ одномъ сочиненіи почитаніе мощей отнесено къ суевѣріямъ и даже приведена сатира иконоборческихъ временъ противъ почитанія иконъ (но считаемъ нужнымъ сказать, что сатира эта была напечатана на греческомъ языкѣ и слѣдовательно назначена была для спеціалистовъ); изъ ряда выходящіе, подвиги св. мужей и женъ умаляются и даже порицаются, а относительно причтенія ихъ церковію къ лику святыхъ дѣлается замѣчаніе, что канонизація ихъ обусловливается не столько заслугами, сколько высокимъ іерархическимъ положеніемъ канонизуемаго лица". (Пояснимъ: здѣсь заключаются реплики противъ проф. Ф. А. Терновскаго и его сочиненія: „Греческая церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ". За это сочиненіе Терновскій лишенъ былъ академической каѳедры и вскорѣ подъ тяжестію огорченій и матеріальныхъ лишеній умеръ).—Инструкція далѣе продолжаетъ характеризовать сочиненія, заслужившія порицаніе отъ синода. Это, во 2-хъ, „такія, въ которыхъ отрицаются, хотя бы и съ видимостію научныхъ основаній (т. е. значитъ, хотя бы и совершенно справедливо) достовѣрность такихъ событій, къ коимъ церковное преданіе и народное вѣрованіе привыкли относиться, какъ къ достовѣрнымъ событіямъ, имѣющимъ священную важность. Такъ, напр., въ одномъ сочиненіи авторъ (разумѣется въ данномъ случаѣ извѣстный профессоръ Е. Е. Голубинскій и его замѣчательная книга: „Исторія русской церкви"), утверждаетъ, что сказаніе о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ не заслуживаетъ никакого вниманія и отнесено должно быть къ области сказокъ. Къ той же категоріи ска-

зокъ отнесены у него и сказанія о крещеніи св. княгини Ольги въ Константинополѣ и князя Владимира въ Корсуни". (Проф. Голубинскій наказанъ легко: ему долго пришлось ждать отъ синода утвержденіе въ докторской степени и отказано было въ правѣ печатать продолженіе сочиненія, и если оно потомъ увидѣло свѣтъ, то это случилось при исключительныхъ обстоятельствахъ). Къ третьей категоріи непохвальныхъ сочиненій инструкція относитъ такія, „въ которыхъ событія свящ. исторіи ветхаго завѣта разсматриваются съ точки зрѣнія современныхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій и дѣйствія тѣхъ или другихъ лицъ св. исторіи—судей, пророковъ и проч. изображаются, какъ дѣйствія различныхъ политическихъ партій". (Замѣтимъ, что здѣсь находимъ неодобрительныя сужденія по адресу профессора И. Г. Троицкаго, написавшаго магистерское сочиненіе на тему: „состояніе евреевъ во времена судей". Автору приказано было перепечатать свое сочиненіе, и только за второе изданіе ея онъ удостоенъ искомей степени). Къ четвертой категоріи сочиненій, заслуживающихъ порицанія отнесены въ инструкціи такія, въ которыхъ событія церковной исторіи въ своемъ ходѣ и развитіи представляются только связью причинъ и дѣйствій, выходящею изъ однихъ человѣческихъ побужденій и стремленій, изъ движенія страстей, изъ побужденія честолюбія и властолюбія, изъ вліянія господствующихъ въ данное время школъ и направленій. (Нѣтъ сомнѣнія, скажемъ, что инструкція посылаетъ упрекъ писателямъ за то, что они не постарались указывать дѣйствія перста Божія въ событіяхъ церковно-историческихъ); „вслѣдствіе чего, продолжаетъ поучать инструкція, многія важнѣйшія церковно-историческія событія выставляются въ неправильномъ свѣтѣ, какъ наприм., въ одномъ сочиненіи изъяснялось, что вселенскіе соборы, въ своихъ вѣроопредѣленіяхъ, подчинялись вліянію то той, то другой богословской школы, смотря потому какая изъ школъ одерживала перевѣсъ между представителями собора". (Читатель, конечно, узнаетъ большую новость, если я скажу, что въ приведенныхъ словахъ подвергается укорамъ докторское сочиненіе вашего покорнѣйшаго слуги. Однакожъ, онъ оставленъ безъ всякаго наказанія, хотя одинъ любитель „погромовъ", въ 80-хъ годахъ, указуя въ печати на сейчасъ названное его

сочиненіе, взывалъ къ карающимъ властямъ: „обуздайте его“, но никакой синій мундиръ и никакой черный клобукъ не отозвался на его зовъ. Запрещено было лишь давать читать эту диссертацію семинаристамъ). Приведемъ наконецъ, еще одинъ параграфъ данной синодской инструкціи, очень любопытный по своему содержанію. Здѣсь возвѣщалось: „въ кругу темъ богословскаго содержанія (разумѣется въ академіяхъ) встрѣчаются такія, которыя направляютъ сочинителя исключительно къ изученію какой-нибудь ереси или какого-либо ложнаго ученія и останавливаютъ на этомъ предметѣ его вниманіе и мышленіе въ продолженіе года или и болѣе“. При этомъ запрещено было „приводить въ систему и возводить къ единству идеи еретическаго измышленія, почти всегда (будто бы) болѣе или менѣе нелѣпыя и даже въ логическомъ отношеніи безсвязныя“ [1]). Считаемъ нужнымъ замѣтить, въ приведенныхъ послѣднихъ словахъ заключается порицаніе на проф. Будрина за его докторское сочиненіе: „Антитринитаріи XVI вѣка“ которое, сколько помню, однакожъ не встрѣтило препятствія къ пріобрѣтенію авторомъ искомой степени.

Едва-ли нужно добавлять, что подобныя правила, составленныя и одобренныя синодомъ архіереевъ, тяжелымъ гнетомъ легли на только—что начинавшую укрѣпляться русскую науку церковнаго характера. Начались репрессаліи, которыя терроризовали представителей этой области знанія [2]). Проф. Каптеревъ за свое сочиненіе: „характеръ отношеній Россіи

---

1) Разсматриваемый документъ озаглавленъ: „правила для разсмотрѣнія сочиненій, представляемыхъ на соисканіе ученыхъ богословскихъ степеней“. Безъ даты и указанія мѣста печатанія. Но изъ протоколовъ дух. академій за 1896 г. видно, что инструкція есть „постановленія Синода“ и напечатана въ 1889 г., въ резиденціи Синода.

2) Профессоръ Петербургской дух. академіи Н. К. Никольскій, въ чувствѣ негодованія, рѣшительно заявлялъ: „насъ (т. е. профессоровъ) пытались заставить говорить не то (въ области науки), что, по нашему мнѣнію, отвѣчаетъ истинѣ или историческому факту, и составляетъ наше убѣжденіе, а то, что узкому и даже невѣжественному сознанію могло казаться цѣлесообразнымъ для преходящей минуты, но что, конечно, только роняло достоинство церковнаго авторитета. Если мы позволимъ себѣ имѣть религіозная представленія, нѣсколько отличныя отъ учебниковъ митрополитовъ Филарета и Макарія, то мы становимся (даже въ своихъ собственныхъ глазахъ) волтерьянцами, еретиками, протестантами, нигилистами. Мечтанія многихъ нашихъ іерарховъ, повидимому, клонятся къ тому, чтобы всѣ, даже достигшіе возраста мужа совершенна, превратились снова въ младенцовъ“. (Къ вопросу о церковн. реформѣ: „Христ. чтен.“, 1906 ч. I. 190. 191. 200).

къ православному востоку“ не былъ удостоенъ синодомъ искомой авторомъ докторской степени. Правда, послѣ онъ удостоенъ этой степени за другое, вновь написанное имъ сочиненіе, но это было очень слабое произведеніе, выгодно отличавшееся отъ перваго хорошаго его труда лишь тѣмъ, что оно, по суду синода, было вполнѣ православно[1]). Той же участи, какъ первое сочиненіе Каптерева, заслужила магистерская диссертація проф. Аквилонова „о церкви“: извѣстный архим. Павелъ прусскій, на смертномъ одрѣ, какъ свою послѣднюю волю, выразилъ требованіе не давать Аквилонову ученой степени. Развѣ можно было остановить безъ исполненія послѣднее желаніе умирающаго полурасколническаго старца? Отказано было синодомъ въ магистерской степени преподавателю Васильеву за сочиненіе: „канонизація русскихъ святыхъ“, какъ противное ученію св. церкви. Получили болѣе или менѣе нелестныя замѣчанія отъ лица архіереевъ, засѣдавшихъ въ Синодѣ, за свои магистерскія сочиненія проф. Глаголевъ С., Мышцинъ, Андреевъ, Спасскій и друг. Сочиненіе послѣдняго объ Аполлинаріи Лаодикійскомъ вызвало новый синодскій циркулярный указъ, которымъ потверждалось отнюдь не давать молодымъ богословамъ темъ о еретикахъ и ересяхъ, хотя нужно сказать, ересь Аполлинарія была такого характера, что ровно никакого вреда для церкви не было бы, еслибы авторъ выразилъ ей даже сочувствіе, чего однакожъ не было. Этого мало: когда г. Спасскій представилъ свое сочиненіе на Макаріевскую премію, то, хотя оно выдержало критику такого строгаго ученаго судіи, какъ покойный проф. Болотовъ, и хотя авторъ выставленъ былъ соотвѣтствующимъ учрежденіемъ, въ качествѣ *перваго* кандидата на премію[2]), Синодъ, по на-

[1]) Проф. Каптеревъ принадлежитъ къ коллегіи профессоровъ Моск. Дух. Академіи, которую въ 80-хъ годахъ считали нигилистическою. Однажды оберъ-прокуроръ синода К. П. Побѣдоносцевъ (и это не смотря на свой замѣчательный умъ!), въ разговорѣ съ моск. митрополитомъ Іоанникіемъ Рудневымъ назвалъ эту академію „нигилистическою“, на что послѣдній нашелся сказать одно: „ну, такъ закройте ее“. (Слышано отъ покойнаго ректора академіи С. К. Смирнова). И нужно отдать справедливую честь проф. Н. Ѳ. Каптереву: онъ много содѣйствовалъ такой нелестной славѣ Моск. Академіи... Долженъ однакожъ сознаться, что и я самъ (бывшій проф. Моск. Дух. Акад. А. П. Лебедевъ) не менѣе его содѣйствовалъ тому-же, въ чемъ я, къ счастію, нимало не раскаиваюсь (объясненіе этого дерзновенія найдете въ предъидущ. примѣчаніи).

[2]) Это извѣстіе мнѣ лично было сообщено, теперь уже умершимъ, профессоромъ университета И. В. Помяловскимъ, который былъ въ то время

стоянію митрополита Іоанникія, вычеркнулъ Спасскаго изъ числа лавреатовъ, какъ непослушнаго сына православной церкви, возжелавшаго свести не безопасное для него знакомство съ еретикомъ IV вѣка, о которомъ самъ митрополитъ, вѣроятно, имѣлъ самыя смутныя представленія.

До какихъ капризовъ, до какой степени блажи доходятъ иногда въ своихъ требованіяхъ архіереи синода по отношенію къ бѣднымъ профессорамъ, хорошо видно изъ слѣдующаго примѣра. Проф. С. Т. Голубевъ написалъ для пріобрѣтенія докторской степени книгу: „Исторія Кіевской Академіи“, вып. I. Книга съ самымъ лестнымъ для автора отзывомъ совѣта препровождена была въ синодъ на предметъ утвержденія автора въ степени. И что же случилось? Члены синода нашли, что преждевременно было бы удостоивать автора докторства за первую часть сочиненія и опредѣлили: подождать отъ автора дальнѣйшихъ частей его. Каково рѣшеніе! Члены синода, очевидно воображали, что ученыя книги столь же просто составлять, какъ создавать мракобѣсныя постановленія объ ученыхъ книгахъ. Бѣдный профессоръ долженъ былъ употребить еще 12 лѣтъ на изготовленіе новаго докторскаго сочиненія, въ угоду странной блажи. 12 лѣтъ г. Голубевъ оставался безъ вожделѣнной профессорской промоціи и въ Академіи, и въ университетѣ, гдѣ онъ тоже занималъ богословскую каѳедру. Какое ангельское терпѣніе нужно было имѣть профессорамъ, чтобы выносить подобныя обиды!

Закончимъ нашъ очеркъ, вызванный извѣстными предписаніями Регламента, указаніемъ на одинъ удивительный фарсъ, сочиненный однимъ архіепископомъ нашихъ дней. Въ 1905 году о. Антоній Храповицкій возвѣстилъ urbi et orbi о новыхъ опасныхъ еретикахъ, посрамляющихъ нашу православную церковь. Въ своемъ доносѣ св. синоду, теперь напечатанномъ, онъ докладывалъ этому ареопагу, что къ опаснымъ либераламъ нужно относить слѣдующихъ трехъ лицъ: 1. извѣстнаго философа Вл. С. Соловьева, 2. теперь покойнаго ректора М. университета кн. С. Н. Трубецкаго и въ

членомъ учебнаго комитета при Синодѣ и самъ участвовалъ въ присужденіи преміи Спасскому. Жаль больше всего то, что ради указаннаго казуса не увидала свѣта и ученая рецензія Болотова.

3. вашего покорнѣйшаго слугу. Всѣхъ троихъ онъ поставилъ въ связь съ новотюбингенцами, т. е. съ послѣдователями раціоналистическаго нѣмецкаго богослова Ф. Х. Баура. На этихъ трехъ опасныхъ мужей, по его словамъ, „несытымъ окомъ“ взираютъ профессора духовныхъ академій, желая, очевидно, одного—уподобиться имъ въ вольнодумствѣ[1]). Но почтенный архіерей, сближая указанныхъ лицъ съ новотюбингенцами, повидимому, думаетъ, что для того, чтобы прослыть либеральнымъ человѣкомъ въ вопросахъ учено-богословской мысли, нужно примкнуть къ ново-тюбингенской школѣ, между тѣмъ какъ она давно отжила свой вѣкъ и давно похоронена, уступивъ мѣсто новымъ, болѣе зрѣлымъ либиральнымъ теологическимъ направленіямъ[2]).

Не далѣе, какъ годъ тому назадъ одинъ изъ вышеупомянутыхъ нами профессоровъ духовной академіи, въ чувствѣ возмущенія порядками, господствующими въ нашей церкви по отношенію къ богословской наукѣ, писалъ такъ: „Никто такъ не боится стремленія къ истинѣ, какъ представители церкви“ (т. е. архіереи). „Православіемъ они признаютъ государственно-національную религію; истиною же они называютъ то, что согласно съ ихъ міровоззрѣніемъ“. Авторъ заканчиваетъ свою рѣчь прямымъ и рѣшительнымъ протестомъ противъ такого православія и говоритъ: „православіе, какъ пониманіе христіанства, можетъ быть пріемлемо только въ той мѣрѣ, въ какой оно есть истина. Если же православіе—ложь, оно ни для кого не обязательно“[3]).

„Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ“; или выражаясь словами духовнаго Регламента, „неосновательные мудрецы не только не полезны, но и вельми вредны суть и дружеству, и отечеству, и церкви“.

Обращаемся къ обозрѣнію нравственныхъ отношеній нашихъ архіереевъ въ изучаемое время; для какой цѣли

---

[1]) „Церк. Вѣд.“, 1906 г., № 8, стр. 371 (часть неофф.). Мысль автора, по его обыкновенію, выражена и въ настоящемъ случаѣ такъ нескладно, что вполнѣ понять ее не такъ-то просто.

[2]) Впрочемъ я долженъ благодарить о. Антонія за то, что онъ отвелъ мнѣ такое почетное мѣсто въ средѣ лицъ, достойныхъ всякаго уваженія, каковы Вл. С. Соловьевъ и кн. Трубецкой, и даетъ понять, что многіе богословы были бы очень счастливы, если бы могли быть въ моемъ положеніи. Если архіеп. Антоній хотѣлъ въ данномъ случаѣ подвергнуть меня порицанію, то вышло, какъ разъ наоборотъ (слич. Числ., 23, 11).

[3]) Никольскаго Н. К. Къ вопросу о церковной реформѣ. „Христ. Чтен.“, loc. citat., стр. 192. 6—7.

разнообразный и цѣнный комплектъ свѣдѣній находимъ въ вышеуказанныхъ „матеріалахъ“ о. Морошкина. Въ своемъ мѣстѣ мы указали, что Регламентъ вооружался противъ архіерейской, какъ онъ выражается, спѣси, противъ высокомѣрія и самомнѣнія. Этотъ памятникъ внушалъ, чтобы „всякъ епископъ вѣдалъ бы мѣру чести своея и не высоко бы о ней мыслилъ“. Да и въ этомъ случаѣ, епископъ, по регламенту, долженъ былъ взять себѣ за правило слѣдующее: „да и умѣренной чести не самимъ пастырямъ (т. е. архіереямъ) искать и отъ подручныхъ истязовать, но свободно подаваемою довольствоватися“. Спрашивается: архіереи изучаемой нами эпохи были ли послушны этого рода предписаніямъ? Далеко не всегда и далеко не всѣ. Какъ понимали они эту честь? Часто очень своеобразно. Вотъ нѣсколько характеристическихъ извѣстій о митрополитѣ Антоніи Рафальскомъ († 1848). Въ этомъ митрополитѣ многихъ непріятно поражала кардинальская пышность его двора, надменность въ обращеніи съ подчиненными и недоступная презрительность, слишкомъ явно выказываемая ко всему, что стояло ниже его. Счастіе (онъ быстро сдѣлался митрополитомъ петербургскимъ) отуманило ему голову, а власть сдѣлала его деспотомъ и несправедливымъ. Вотъ нѣсколько діалоговъ, имѣвшихъ мѣсто между владыкой и его подчиненными. „Почему мы должны платить деньги за секретаря Лисенко, укравшаго ихъ?“ спрашивали члены консисторіи Антонія, приказавшаго имъ внести всю украденную сумму. „Потому, отвѣчалъ онъ,—что я приказываю вамъ“. „Представьте это дѣло въ синодъ“, замѣтилъ митрополиту одинъ изъ членовъ синода. „А ты забылъ, возразилъ Антоній, что я президентъ св. синода“. „Не пожалуете ли, ваше выс—нство, спросилъ ректоръ петербургской семинаріи,—на экзаменъ въ духовное училище“? „Мнѣ низко тамъ быть“, съ презрѣніемъ отвѣтилъ Антоній, самъ въ своемъ образованіи не простиравшійся дальше семинаріи. Продолжая характеристику Антонія, скажемъ еще, что въ поступкахъ его проявлялась что-то барское, желаніе возвышаться надъ мнимою мелочностію. Онъ любилъ жить на широкую ногу, заказывалъ такое большое меню обѣденныхъ блюдъ, что кушанья хватало чуть не на всю лаврскую братію (О. Морошкинъ. I, 98. 104). Примѣру митрополитовъ слѣдовали архіепископы и епископы. Многіе

изъ нихъ ни во что ставили своихъ подчиненныхъ и третировали ихъ, какъ лакеевъ. Скажемъ прежде всего о характерѣ и подвигахъ архіепископа Иринея Нестеровича († 1864). Его раздражительность доходила до ярости, самоуправство и совершенное презрѣніе къ правамъ другихъ и даже безчеловѣчіе составляли свойства его натуры, его поступки и дѣйствія получали характеръ выходокъ, вообще архіерейская власть совсѣмъ испортила его. Онъ позволялъ себѣ кричать въ церкви, во время совершенія литургіи; такъ разъ онъ обратился, въ присутствіи всѣхъ, съ такими словами къ ректору семинаріи: „что ты много о себѣ-то думаешь, что ты много знаешь иностранныхъ языковъ; Митридатъ-то больше тебя зналъ, а убилъ свою родную мать“. Онъ бранился во время богослуженія, останавливалъ отправленіе богослуженія, съ подчиненными обращался сурово, награждалъ и казнилъ ихъ безъ суда и причины. При вступленіи въ управленіе одною епархіею, Ириней въ продолженіе менѣе года отрѣшилъ отъ должности многихъ протоіереевъ, а еще большое число прочихъ духовныхъ лицъ, то удалилъ отъ должности, то запретилъ въ священнослуженіи, то переводилъ съ хорошихъ мѣстъ на худшія. При этомъ случаѣ онъ показалъ себя самымъ неразборчивымъ и самоуправнымъ мстителемъ и карателемъ; ибо онъ наказывалъ духовенство не только за преступленія, совершенныя до него, но и за тѣ, которыя онъ такъ сказать предугадывалъ въ подчиненномъ ему духовенствѣ или подозрѣвалъ, и наказывалъ безъ милости, безъ суда, съ холоднымъ безчеловѣчіемъ азіатскаго деспота. Ириней, можно сказать, позволялъ себѣ измывательство даже надъ почтеннѣйшими лицами изъ духовенства. Такъ городскому благочинному, въ случаѣ архіерейскаго служенія въ соборѣ, Ириней приказалъ встрѣчать себя на срединѣ дороги между домомъ архіерейскимъ и соборомъ, при чемъ благочинный долженъ былъ стоять здѣсь не менѣе получаса, и притомъ въ легкой одеждѣ, не смотря на самые жестокіе морозы (а дѣло было въ восточной Сибири). Снисхожденіе архіерея выразилось развѣ только въ томъ, что въ случаѣ, если благочинный сталъ бы замерзать, ему позволено было немного прохаживаться, но не иначе, какъ дѣлали это часовые солдаты. Подобное же благочинный обязанъ былъ продѣлывать и тогда, когда владыка посѣщалъ по какому-либо слу-

чаю и другіе городскіе храмы. Мало того: онъ долженъ былъ „вынимать Иринея изъ кареты и снова сажать въ нее“, въ должное время. А въ свое оправданіе владыка говорилъ, что будто также поступаютъ и главнѣйшіе русскіе архипастыри. (II, 4. 5. 11). Продолжая злоупотреблять своею властію надъ тѣмъ же благочиннымъ, архіерей, подъ видомъ приведенія собора въ порядокъ, приказалъ ему ночевать въ соборѣ со сторожами, и также далъ ему повелѣніе, въ виду свирѣпствовавшаго повѣтрія, выражавшагося въ головныхъ и грудныхъ болѣзняхъ, свидѣтельствовать на домахъ болѣвшихъ священно-и церковнослужителей, сторожей и звонарей, что̀ благочинный и долженъ былъ дѣлать. Какихъ безсмысленно преувеличенныхъ представленій о своей персонѣ держался Ириней, ясно видно изъ слѣдующаго факта. Однажды въ соборѣ, при началѣ богослуженія тотъ же благочинный, проходя мимо генералъ-губернатора, прибывшаго въ храмъ, сдѣлалъ поклонъ ему. За это архіерей опозорилъ его предъ всѣмъ честнымъ народомъ, обратившись къ нему со слѣдующими словами, выражавшими крайнее высокомѣріе владыки: „невѣжа, при мнѣ ты не долженъ кланяться г. губернатору: *гдѣ я, тамъ все должно уничижаться и падать;* эти же слова повторилъ Ириней и въ алтарѣ, по причащеніи св. таинъ“ (II, 13—14). О другомъ архіепископѣ Аркадіѣ Ѳедоровѣ († 1870) разсказываютъ, что желая смирить одного секретаря консисторіи, казавшагося ему самомнительнымъ, этотъ архіерей благословлялъ его лѣвою рукою, оправдывая себя тѣмъ, что архіерей имѣетъ право благословлять обѣими руками; онъ же, въ случаѣ прихода къ нему секретаря съ дѣлами, приказывалъ своему лакею принимать отъ послѣдняго бумаги въ прихожей, а свои резолюціи, идущія въ консисторію, писалъ такъ неразборчиво, что съ трудомъ можно было прочесть ихъ, хотя въ другихъ случаяхъ писалъ отлично (II, 273. 276—7). Этотъ же архіеп. Аркадій смотрѣлъ на подчиненное ему духовенство, какъ на стадо барановъ. Онъ безъ всякихъ поводовъ перемѣщалъ ихъ съ мѣста на мѣсто, иногда за 300—400 верстъ, и въ этомъ случаѣ ни плачъ семейства переводимыхъ, ни грозящее разореніе—ничто не могло умилостивлять преосвященнаго; или же поступалъ еще хуже: оставлялъ за штатомъ духовныхъ лицъ, безъ всякихъ прошеній съ ихъ стороны (ibid., 281). Епископа Виталія

Щепетева, о которомъ мы уже упоминали, характеризуютъ, какъ человѣка надутаго, пренебрежительно обращавшагося съ низшими, упрямаго, чрезвычайно требовательнаго по отношенію къ другимъ, грубаго до цинизма съ подчиненными (ibid., 177). Важничая и величаясь предъ подчиненными, тѣ же архіереи Николаевскихъ временъ совсѣмъ позабывали о своемъ достоинствѣ, когда они встрѣчались съ человѣкомъ, бояться котораго были всѣ основанія. Такъ, когда къ отпѣванію тѣла митрополита Антонія Рафальскаго, въ храмъ пожаловалъ императоръ Николай, архіереи, участвовавшіе въ печальной церемоніи, ради человѣкоугодничества донельзя сократили чинъ отпѣванія, наприм., прочтено было только два евангелія, а затѣмъ обрядъ быстро двинулся къ концу[1]). Интересно отмѣтить, что при этомъ принесены были въ жертву земной власти и богослужебный чинъ и чувства благоговѣнія.

Печально это, но нужно сказать, что и въ настоящее время архіереи продолжаютъ себя держать въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ такъ же, какъ въ старое время бары держали себя съ своими рабами. Вотъ письмо изъ Харькова, помѣченное 9-мъ сентября, 1905 года, и попавшее въ печать. „Владыка принимаетъ всѣхъ священниковъ въ передней, возлѣ вѣшалки и колошъ, принимаетъ всѣхъ заразъ и при публикѣ; и если кто оробѣетъ или не совсѣмъ гладко изложитъ свою просьбу, то такого священника поднимаетъ на смѣхъ, такъ что нѣкоторые любители комическихъ представленій нарочно заходятъ въ пріемные часы позабавиться глядя, какъ — это владыка-архипастырь издѣвается надъ своими священниками“[2]). Одинъ нашъ писатель слѣдующими чертами изображаетъ современное намъ высшее

---

[1]) Архіепископъ Никаноръ. Біограф. матеріалы, 116.

[2]) Розонова В. Около церковныхъ стѣнъ, т. 2, стр. 196. Спб. 1906. Нужно пожалѣть, какъ архіереи въ наше время уклонились отъ добрыхъ преданій старины. Св. Златоустъ при одномъ случаѣ говорилъ: „тебѣ надлежало бы посмотрѣть на подвижниковъ. Но тебя некому проводить къ нимъ? Приди ко мнѣ, и я покажу тебѣ обители этихъ святыхъ“ (Творен., т. VII, 734); и конечно, Златоустъ на дѣлѣ исполнилъ бы это, т. е. *пошелъ бы* съ любителемъ подвижничества къ подвижникамъ. Но теперь архіереи пѣшкомъ никуда не пойдутъ (хотя апостолы пѣшими стопами избороздили вселенную); мало того: и притекающіе къ нимъ, этимъ подвижникамъ вѣры, не допускаются далѣе лакейской, съ запахомъ ихъ „Петрушекъ“, коихъ регламентъ именуетъ „скотинами“.

духовенство. „Архипастыри составили какъ бы генералитетъ въ обществѣ вѣрующихъ и отдѣлили себя отъ клира и народа китайской стѣной; они никогда не сливаются со средою священнослужителей и народа и не болѣютъ ихъ нуждами. Епископы совсѣмъ не знаютъ тѣхъ, кого они ставятъ на служеніе алтарю, а священники и діаконы съ своей стороны бѣгаютъ отъ архипастырей, какъ отъ огня. Дошло до того, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ С—ской епархіи архіереевъ прозвали „поповскою смертію“ и лѣтъ семь тому назадъ одинъ діаконъ этой епархіи отъ страха дѣйствительно повалился бездыханнымъ къ ногамъ епископа, когда послѣдній торжественно вступалъ подъ кровъ деревенской церкви“ [1]).

Какъ извѣстно, Духовный регламентъ „чтобъ укротити вельми жестокую епископовъ славу“ предлагаетъ, „чтобъ оныхъ подъ руки не вожено, и въ землю бо онымъ подчиненная братія не кланялись“. Но архіереи пропускали мимо ушей эти слова. Подъ руки ихъ водили и водятъ, какъ и встарь. Нѣкоторые изъ нихъ проявляли въ этомъ отношеніи большую виртуозность. Архіеп. Ириней Нестеровичъ умѣлъ дѣлать такъ, что вся тяжесть его тѣла, при вожденіи его подъ руки, ложилась на руки іереевъ, ему воспособлявшихъ (О. Морошкинъ. II, стр. 11). Такъ было во времена Николая I, но мало измѣненій произошло и впослѣдствіи. Библіотекарь Московской синодальной библіотеки такъ описываетъ актъ вожденія подъ руки митрополита Сергія Ляпидевскаго († 1897). „Сергій, бывало, вступалъ въ присутствіе синодальной конторы въ Москвѣ необыкновенно торжественно: его подхватывали подъ руки чиновники у подъѣзда и воздвизали по устланной бархатнымъ ковромъ лѣстницѣ съ толкомъ, чувствомъ и разстановкой“. Но такое вспомоществованіе престарѣлому митрополиту не условливалось его слабостію (въ этомъ случаѣ и регламентъ позволялъ оказывать снисхожденіе къ епископу), ибо когда были свидѣтели, корые могли косо посмотрѣть на такой парадъ, онъ благополучно поднимался по лѣстницѣ собственными усиліями [2]). Мы

---

[1]) Попова Н. П. Объ отношеніи пастыря церкви къ современнымъ движеніямъ. „Богосл. Вѣст.“, 1905, т. III, 799.

[2]) Ibid., 799.

думаемъ, что все это происходило такъ, какъ увѣряетъ описатель, ибо склонны думать, что самъ авторъ не былъ только пассивнымъ зрителемъ акта перваго, но и дѣятельнымъ участникомъ въ немъ.—Что касается земнопоклоненія архіереямъ, то, какъ извѣстно, не смотря на прямое воспрещеніе его регламентомъ, оно еще и теперь въ полной силѣ. Изъ прежнихъ же временъ отмѣнимъ лишь земнопоклоненіе іеромонаха Никанора Бровковича, о которомъ онъ пишетъ самъ. Оно необычайно по условіямъ, среди которыхъ оно происходило. Никаноръ былъ профессоромъ Академіи и падалъ ницъ предъ своимъ же сотоварищемъ по службѣ, ректоромъ Макаріемъ Булгаковымъ, правда преосвященнымъ ректоромъ, но въ тоже время послѣдній былъ и профессоромъ наравнѣ съ Никаноромъ. Это ужъ что-то напоминаетъ сны ветхозавѣтнаго Іосифа. Замѣтимъ еще, что это распростертіе на землѣ было въ одинъ и тотъ же разъ не однократнымъ, а многократнымъ ad libitum. Земное поклоненіе ото всѣхъ лицъ духовныхъ, за исключеніемъ архіереевъ, всегда принималъ и Московскій митр. Филаретъ, но оно было не столько низкопоклонствомъ, сколько, кажется, данью величію этого святителя[1]).

Вышеописанное крайне ненормальное самовозвеличеніе нашихъ архіереевъ, при которомъ они, по выраженію проф. Е. Е. Голубинскаго, „какъ начальники вознеслись на недосягаемую высоту, а ихъ подчиненные ниспали въ неизмѣримую глубину“, имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что одни „стали олицетвореніемъ грозной власти, а другіе—рабской приниженности и рабскаго трепета“. По мѣткому выраженію того профессора, архіереи мало-по-малу „въ представленіи мірянъ превратились во что-то такое, что засажено въ губернскомъ городѣ за двѣнадцатью стеклами и что единственно существуетъ на страхъ и на грозу попамъ“. Происхожденіе такого явленія, въ силу котораго архіерей сдѣлался „олицетвореніемъ грозной власти“ по отношенію къ лицамъ, исполненнымъ лишь „рабской приниженности и трепета“, историкъ Голубинскій объясняетъ прежде всего тѣмъ, что у насъ епархіи были и есть очень и слишкомъ обширны. А „совершенно естественно, по его разсужденію, что—чѣмъ

[1]) Архіеп. Никаноръ. Біогр. матеріалы, 260. 264. 305.

обширнѣе область, тѣмъ начальникъ сознаетъ себя бо̀льшимъ начальникомъ. Такимъ образомъ обширность нашихъ епархій должна была приводить къ тому, чтобы съ одной стороны архіереи наши поддались духу властительства или высоковластія, а съ другой стороны, чтобы подчиненное имъ духовенство, которое могло лицезрѣть архіерея очень рѣдко, исполнилось духа особеннаго смиренія и рабства". Другую причину явленія этотъ же историкъ находитъ въ недостаткѣ для архіереевъ, такъ сказать, хорошей житейской школы. Когда появились архіереи у насъ, то они не имѣли предъ глазами поучительныхъ примѣровъ, лишены были руководительной традиціи. „Но человѣкъ предоставленный самому себѣ, гооритъ проф. Голубинскій, всегда и вездѣ оказывается человѣкомъ—всегда въ этомъ случаѣ онъ наклоненъ поставить дѣло такъ, чтобы присвоить какъ можно болѣе власти" [1]). Такого рода объясненія можетъ быть и вѣрны; но отъ такихъ такъ сказать естественно-историческихъ объясненій ни чуть не легче для тѣхъ, кому приходится собственнымъ опытомъ узнавать, въ чемъ выражается властно-начальственное отношеніе архіереевъ, которое даетъ знать себя до сего дня.

Совершенно другое объясненіе для разсматриваемаго явленія въ нашемъ епископатѣ даетъ о. протоіерей Пѣвницкій въ своихъ „запискахъ". Онъ пишетъ: „Духъ внутренней *гордыни* (курсивъ не нашъ), тотъ традиціонный недугъ нашего епископства, о которомъ ап. Павелъ говорилъ ученику своему Тимоѳею въ посланіи, этотъ недугъ издавна поражаетъ многихъ нашихъ епископовъ не безъ вліянія, конечно, на это самого источника этой гордыни—*злого духа, діавола* (курсивъ нашъ), которому выгодно уязвить перваго пастыря церкви, чтобы удобнѣе затѣмъ вредить пасомымъ. Зараженные этою язвою, иные епископы становятся въ холодное неприступное положеніе *идоловъ* (курсивъ нашъ), предъ которыми нужно только благоговѣть, преклоняться и пресмыкаться". Считаемъ нужнымъ замѣтить, что авторъ въ этомъ объясненіи стоитъ не на точкѣ зрѣнія исторической, а догматической; но тѣмъ не менѣе оно остается въ нашихъ глазахъ очень характеристическимъ. Впрочемъ о. Пѣвницкій

[1]) Исторія русск. церкви. Т. I, перв. пол., 365—370.

вслѣдъ за этимъ старается подыскать и болѣе естественное объясненіе явленія. Онъ продолжаетъ: „этому идолопоклонническому положенію все благопріятствовало еще съ глубокой старины. Было крѣпостное рабство, были полновластные господа и безправные рабы. Господа стояли на высотѣ недосягаемой для раба. Это крѣпостничество, какъ язвою, заразило все и всѣхъ; съ древнихъ временъ проникло оно и въ духовное званіе и доселѣ дѣйствуетъ въ немъ съ силою съ одной стороны въ „господинѣ нашемъ“ и „владыкѣ“ епископѣ, съ другой во всѣхъ священно-церковнослужителяхъ-рабахъ и нижайшихъ послушникахъ“ [1]). Въ этомъ второмъ объясненіи о. Пѣвницкаго, вѣрно только одно, что въ „идолопоклонствѣ“ епископамъ виновны не одни архіереи, а и подчиненное имъ духовенство: оно должно было протестовать, во имя евангельскихъ началъ, но этого оно не дѣлало. По нашему же мнѣнію, самовозношеніе архіереевъ у насъ вытекло изъ причинъ общихъ: во 1-хъ, какъ извѣстно, власть портитъ или, какъ другіе выражаются, развращаетъ людей (а у нашихъ архіереевъ власть была обширная); а во 2-хъ, въ христіанской церкви, а у насъ въ особенности, скоро забыто было подлинное Христово евангеліе (а напомнить объ этомъ было не кому: никакихъ реформаторовъ у насъ не появлялось).

Въ чемъ же выражалось „высоковластіе“, по терминологіи проф. Голубинскаго, архіереевъ, переходившее часто въ самоволіе, это видно на ихъ дѣятельности, поскольку она обращена была на подчиненное имъ духовенство. Разумѣется, поведемъ рѣчь главнымъ образомъ о нравахъ епископовъ, процвѣтавшихъ въ царствованіе Николая I-го. О. Морошкинъ говоритъ: „распоряженіе ввѣреннымъ вѣдомствомъ, какъ помѣстьемъ, въ которомъ можно хозяйствовать по своему произволу, къ сожалѣнію, явленіе довольно обыкновенное въ нашей общественной жизни. Этого порока (т. е. хозяйствованія въ своемъ вѣдомствѣ, какъ помѣстьѣ) не чужды (были) и архіереи, не смотря на свое отреченіе отъ міра“. Особенно характеристическими чертами указаннаго архіерейскаго воззрѣнія нашъ лѣтописецъ считаетъ „непотизмъ и любостяжаніе“. „Одни изъ такихъ духовныхъ адми-

[1]) Записки прот. Пѣвницкаго. „Русск. Стар.“, 1905, іюль—сент. 141—2.

нистраторовъ, по словамъ его, соблюдаютъ при этомъ нѣкотораго рода приличіе и какъ бы сдерживаютъ себя, другіе же напротивъ смотрятъ на эти злоупотребленія, какъ на право, соединенное съ званіемъ, узаконяютъ и доводятъ ихъ до самой наивной патріархальности". Тотъ же лѣтописецъ приводитъ множество примѣровъ въ подобномъ родѣ. Къ числу послѣднихъ лицъ, т. е. наиболѣе беззастѣнчивыхъ, принадлежалъ, по свидѣтельству автора, преосвященный епископъ Амвросій Моревъ († 1854). У него до такой степени было развито чувство любви къ роднымъ, что онъ готовъ былъ вызвать во ввѣренную ему епархію и помѣстить на лучшія мѣста не только самыхъ близкихъ родныхъ, но и всѣхъ троюродныхъ и четвероюродныхъ и даже тѣхъ, которыхъ самъ не признавалъ родственниками, но которые утверждали, что они ему приходятся въ родствѣ; онъ готовъ былъ отнимать для нихъ безъ всякой вины мѣста у другихъ, даже быть жестокимъ, не будучи такимъ по природѣ. Амвросій считалъ себя счастливымъ только въ кругу своихъ родныхъ и потому его архіерейское жилище болѣе походило на домъ семьянина, чѣмъ на келью монаха. Когда Амвросія перевели на должность архіерея въ Пензу, къ нему прибыла цѣлая колонія его племянниковъ и мужей его племянницъ, которые всѣ заняли самыя выгодныя мѣста и должности. О. Морошкинъ справедливо замѣчаетъ, что „непосредственнымъ результатомъ непотизма бываетъ страсть къ пріобрѣтенію для обезпеченія своихъ родныхъ и система поборовъ и подарковъ, изъ чего естественно вытекаетъ еще новое зло — несправедливый и пристрастный взглядъ на людей, которыхъ достоинства оцѣнивались не самимъ начальникомъ, а его родственниками и притомъ по количеству подарковъ, получаемыхъ ими и по степени оказываемаго имъ подобострастія. Слѣдствіемъ всего этого—всѣ слова о. Морошкина—являлась система угнетенія и преслѣдованія людей честныхъ и достойныхъ, благородныхъ душей, но бѣдныхъ, возвышеніе же людей ничтожныхъ и безнравственныхъ, но тароватыхъ и щедрыхъ на подарки, наконецъ, пренебреженіе къ законности при веденіи дѣлъ и владычество произвола". Всѣ эти недостатки, по увѣренію того же лѣтописца, совмѣщало въ себѣ и непотическое управленіе епископа Амвросія Морева, и притомъ проявлялось въ самыхъ отвратительныхъ формахъ,

потому что родственники его были люди въ высшей степени невѣжественные и алчные; они сплетничали ему, ссорились между собою и перебивали другъ у друга приходившихъ къ архіерею просителей, чтобы сорвать съ нихъ взятку. Совершенно опутанный своими родными, Амвросій сдѣлался правителемъ несправедливымъ, корыстолюбивымъ и жестокимъ. (II, 250—251). Нерѣдко, по наговору племянниковъ, безъ всякаго суда и слѣдствія, люди достойные лишались мѣстъ и потомъ безъ куска хлѣба бродили по епархіи. На ихъ мѣсто опредѣлялись люди недостойные и безнравственные, но богатые или состоявшіе въ родствѣ съ присными Амвросія, и проч. (II, стр. 252. 262). На одной линіи съ Амвросіемъ нужно поставить и преждеупомянутаго нами архіепископа Аркадія Ѳедорова. О. Морошкинъ о немъ говоритъ, что онъ былъ двоедушенъ, пристрастенъ, мстителенъ, любилъ опредѣлять къ лучшимъ мѣстамъ своихъ родственниковъ и любимцевъ и былъ жестокій деспотъ, находившій какъ бы удовольствіе въ страданіяхъ другихъ. Въ Перми, по словамъ нашего автора, всѣ лучшія мѣста онъ отдалъ или своимъ роднымъ, которыхъ число простиралось тамъ до 23 человѣкъ или своимъ землякамъ—владимирцамъ, которыхъ скопилось вокругъ него до 77, большею частію женатыхъ на его родственницахъ. При этомъ разумѣется не могло обойтись безъ разныхъ противозаконностей и неправдъ. Такъ, за смотрителемъ пермскаго духовнаго училища, его родственникамъ, человѣкомъ свѣтскаго званія, въ продолженіе двухъ лѣтъ числилось одно изъ самыхъ богатыхъ мѣстъ — протоіерейское въ г. Ирбитѣ (замѣтимъ: дѣло не слыханное, чтобы за міряниномъ числилось протоіерейское мѣсто, конечно ради доходовъ, поступавшихъ въ карманъ архіерейскаго родственника). За то не родственникамъ и не землякамъ, подпадавшимъ гнѣву Аркадія, по наговорамъ его близкихъ, приходилось очень тяжело: онъ разорялъ ихъ въ конецъ, прибѣгая, при этомъ къ весьма обыкновенному пріему нѣкоторыхъ изъ нашихъ архіереевъ, именно переводя ихъ изъ одного прихода въ другой безъ всякой причины до тѣхъ поръ, пока они отъ горести не сходили въ могилу или не бѣжали въ другія епархіи. Одного изъ такихъ несчастныхъ, подъ разными предлогами, Аркадій перемѣстилъ въ теченіе года 13 разъ. Можно было бы, прибавляетъ о. Мо-

рошкинъ, считать почти миѳомъ разсказы эмигрировавшихъ отъ него объ его жестокостяхъ и холодно-обдуманномъ безчеловѣчіи, если бы не удостовѣряли въ томъ неподкупные и безпристрастные оффиціальные документы (I, 149). Въ числѣ родственниковъ Аркадія особенно дурнымъ вліяніемъ на него отличался какой-то архимандритъ Павелъ,—предметъ общей ненависти пермскаго духовенства. Этотъ человѣкъ, говорятъ, сначала былъ у него кучеромъ, потомъ послушникомъ, и наконецъ, сдѣлавшій архимандритомъ, назначенъ былъ Аркадіемъ членомъ консисторіи. Въ концѣ концовъ въ пермской епархіи, какъ нѣкоемъ помѣстьѣ преосвященнаго, только почти и пользовались благами жизни и спокойствія священнослужители, поступившіе изъ владимирской губерніи, изъ которыхъ большая часть, кажется, были родственниками самого Аркадія или архимандрита Павла, а также тѣ изъ пермскихъ уроженцевъ и другихъ епархій, которые вошли въ родство съ владимирцами. Дѣло доходило до того, что его преосвященство и архим. Павелъ отправляли нѣкоторыхъ кончившихъ курсъ семинаристовъ во владимирскую епархію, съ приказаніемъ жениться на ихъ родственницахъ, какъ-то на ихъ внучкахъ и племянницахъ; посылались эти женихи даже подъ присмотромъ архіерейскаго келейника, вѣроятно изъ предосторожности, чтобы они не сбѣжали по дорогѣ. И семинаристы, женившись на архіерейскихъ родственницахъ и возвратившись обратно, получали самыя отличныя мѣста; мало того: привезенныя съ ихъ женами ихъ сестры, выйдя въ Перми за мужъ, тоже выхлопатывали своимъ мужьямъ, своимъ братьямъ и другимъ родственникамъ лучшія же мѣста (II, 281). Таковъ былъ Аркадій, одинъ изъ птенцовъ николаевскихъ временъ.

Такъ то архіереи этихъ временъ исполняли предписанія Духовнаго Регламента, „чтобъ епископъ не былъ дерзокъ и скоръ, но долготерпѣливъ и разсудителенъ“ и чтобъ онъ, не копилъ денегъ для родственниковъ и свойственниковъ. Все это забыло и нимало не стѣсняло архіереевъ. Тоже самое нужно сказать и относительно предписаній того же памятника объ объѣздѣ архіереями своихъ епархій. Какъ далеки въ этомъ случаѣ были они отъ того, чтобъ жить въ какихъ-то подбитыхъ вѣтромъ палаткахъ, не дѣлать пиршества на счетъ мѣстнаго духовенства и монастырей, не

брать лишняго сѣна для коней и обуздывать своихъ слугъ, готовыхъ обирать и священниковъ и монастырскихъ начальниковъ. Картина объѣздовъ епархій архіереями получалась совсѣмъ обратная. О. Морошкинъ пишетъ: „къ несчастію, и это дѣло, какъ и многія другія у насъ, исполняется далеко не такъ, какъ слѣдовало-бы: то оно обращается у нѣкоторыхъ во что-то формальное, механическое, то принимаетъ характеръ чего-то, похожаго на прогулку, то становится какимъ-то тріумфальнымъ шествіемъ или какимъ-то непріятельскимъ набѣгомъ. Вотъ, наприм., въ самую рабочую пору, окруженный свитою и пѣвчими, скачетъ архіерей. Причты церквей, лежащихъ по тракту его путешествія, ожидаютъ владыку со страхомъ и трепетомъ; вотъ уже онъ приближается къ селу: священникъ въ облаченіи, съ крестомъ, выходитъ ему на встрѣчу, но архіерей несется мимо, едва удостоивъ священника и собравшихся около него прихожанъ благословеніемъ изъ кареты. Или еще хуже того: архіерей заходитъ въ церковь, но приказываетъ провѣрить и осмотрѣть книги своему письмоводителю или кому-нибудь изъ своей свиты; тогда начинается настоящая реквизиція и безъ значительнаго для сельскаго причта побора дѣло никакъ не обходится. Но раздѣлавшись съ письмоводителемъ, нужно причту вытерпѣть еще болѣе жестокое нападеніе отъ другихъ членовъ архіерейской свиты, какъ-то протодіакона, иподіаконовъ, пѣвчихъ и пр. Съ какимъ-то варварствомъ, съ самою циническою наглостію, начинается требованіе водки, денегъ, прибавки, надбавки и т. д.; священникъ по мѣрѣ силъ и возможности ублаготворяетъ своихъ непрошеныхъ гостей и за все это нерѣдко слышитъ отъ нихъ брань, упреки и ругательства“. Дѣло происходило въ царствованіе Николая I, значитъ, точь-въ точь, какъ и въ блаженныя Петровскія времена, во времена сочиненія регламента, когда „слуги архіерейскіе, какъ татаре на похищеніе (т. е. на разграбленіе церковныхъ причтовъ) устремлялись“, при объѣздахъ епархіи архіереями. Старая исторія! Но это далеко не все, что нужно сказать для характеристики явленія недавняго прошлаго. Не такъ-то скоро архіерей проѣзжалъ мимо богатаго господскаго дома; здѣсь нерѣдко бываетъ устроенъ для него ночлегъ, на другой день предлагается обѣдъ, прогулки по окрестностямъ и т. п. Не скоро онъ

оставлялъ также какой-нибудь уѣздный гостепріимный городъ, особенно если въ немъ было зажиточное купечество, которое любитъ иногда щегольнуть русскимъ хлѣбосольствомъ и нерѣдко дней пять угощало архіерея жирными обѣдами. Часто случалось, что архіерей, найдя себѣ пріютъ въ уѣздномъ городѣ, не ѣхалъ обозрѣвать сельскія церкви, а давалъ приказъ, чтобы всѣ причты являлись къ нему въ этотъ городъ къ извѣстному дню; и вотъ, въ рабочую пору, когда нашему сельскому духовенству, занимавшемуся земледѣліемъ, дорогъ не только каждый день, но и часъ, оно на нѣсколько дней отрывалось отъ своихъ хозяйственныхъ занятій и исправленія духовныхъ требъ. Результатомъ подобныхъ обозрѣній бывала только трата денегъ духовными, безпорядокъ въ ихъ приходѣ и въ домашнемъ быту, желчь и брань противъ архіерея. Но совѣсть архіерея покойна (!): онъ исполнилъ лежащій на немъ долгъ. Наконецъ, случалось, что обозрѣніе принимало карательный характеръ и имѣло одну цѣль—наказывать, ругать, смѣнять съ мѣстъ или совсѣмъ отъ нихъ отрѣшать. Тутъ же обращалось въ вину: и замѣшательство священника, и его неловкіе отвѣты архіерею, и дрожащій его голосъ, и блѣдный цвѣтъ его лица. Такого рода обозрѣнія сопровождались со стороны архіерея суровыми взглядами, наводящими ужасъ на священниковъ и холодящими ихъ кровь, страшными криками, угрозами и жестокою игрою судьбами низшихъ своихъ собратій. (I, 431. 435—7). Боже, какъ же все это неприлично! Въ примѣрахъ неблагопристойнаго поведенія архіереевъ при обозрѣніяхъ епархій недостатка нѣтъ. Эпоха царствованія Николая знала много такихъ примѣровъ. О архіепископѣ Кириллѣ Богословскомъ-Платоновѣ († 1841 г.) извѣстно было, что при обозрѣніи имъ подольской епархіи, его наѣзды происходили съ челядью, которая была слишкомъ велика и которая весьма разоряла духовенство своими поборами. Извѣстіе это взято нами изъ записки графа Бенкендорфа на имя оберъ-прокурора св. синода (въ 1839 г.)[1]). Объ епископѣ Амвросіѣ Моревѣ въ „матеріалахъ“ о. Морошкина говорится, что всѣ поѣздки преосвященнаго по епархіи сопровождались по-

[1]) Филарета митр. Мнѣнія, отзывы и письма, за 1821—1867 г., стр. 53. М. 1905.

стоянно огромными поборами. Съ своей стороны протоіереи уѣздныхъ соборовъ и сельскіе благочинные старались въ этомъ случаѣ превзойти другъ друга въ усердіи къ интересамъ архипастыря, за что получали отъ него особыя льготы и права злоупотреблять своею властію и дѣлать поборы собственно для себя. Когда извѣстіе объ огромныхъ поборахъ Амвросія дошло до синода и епископу нужно было дать объясненіе, тогда онъ не скрывалъ, что подношенія ему бывали, хотя будто бы и не столь цѣнныя, какъ гласила молва, и что духовенство будто бы очень охотно ублаготворяло его свиту, не желая уступить этой чести дворянству и купечеству. При этомъ владыка пренаивно замѣчалъ: „такое радушіе и хлѣбосольство, не воспрещенное законами, ни божескими, ни гражданскими, составляетъ искони лучшую черту характера русскаго народа“ (II, 251. 266). Еще случай. Архіепископъ Елпидифоръ Бенедиктовъ († 1860) обвинялся въ слѣдующемъ: посѣщая сельскія церкви подольской епархіи, онъ возилъ съ собою своего родного брата, молодого парня, Гаврилу, поручивъ ему повѣрять при ревизіи наличныя суммы при каждой церкви. Гаврила же этотъ, послѣ ревизіи, взималъ безъ исключенія съ каждой церкви по 12 рублей. Въ одномъ приходѣ священникъ рѣшился спросить самого преосвященнаго, слѣдуетъ ли этотъ поборъ вписать въ расходную церковную книгу, и получилъ отъ него такой отвѣтъ: „пиши, если хочешь, но предупреждаю тебя, что нигдѣ мѣста не сыщешь“. Въ иныхъ приходахъ случалось такъ, что при ревизіи въ церкви въ наличности не было болѣе 3—4 рублей; въ такихъ случаяхъ тотъ же братъ архіерея, купно съ другими членами архіерейской свиты, сильно настаивали, чтобы священники давали своихъ по 12 руб., и буде не имѣютъ своихъ, то заняли-бы у когонибудь, а впослѣдствіи, по мѣрѣ накопленія церковной суммы, удовлетворили бы изъ ней кредитора, и стращая священника отрѣшеніемъ отъ мѣста, заставляли удовлетворять своимъ требованіямъ. Это обвиненіе Елпидифора дошло до свѣдѣнія синода. Архіерею пришлось давать объясненіе, но это объясненіе было еще наивнѣе, чѣмъ у Амвросія. Онъ писалъ въ синодъ: „что касается полученія денегъ, при обозрѣніи церквей, то дѣйствительно было таковое полученіе, и съ моего вѣдома, *какъ вездѣ и всегда водилось и водится*“, за-

являлъ оправдывавшійся архіерей. Деньги, по словамъ его, не брались зря, но записывалось гдѣ и сколько дано. „Конечно, нельзя похвалить, добавляетъ Елпидифоръ, что это мною было допущено, но я къ этому склонился частію повсемѣстнымъ обычаемъ, частію же здѣсь особенною нѣкоторою нуждою, испытываемою при мнѣ діаконами и пѣвчими“ (II, 360. 362—3). Разумѣется, приведенное оправданіе никого не удовлетворитъ. Или вотъ еще живой разсказъ изъ Николаевскихъ же временъ, о епископѣ Николаѣ Доброхотовѣ († 1864), разсказъ прот. Пѣвницкаго, который самъ былъ очевидцемъ обозрѣнія епархіи этимъ архіереемъ. „Николай имѣлъ обыкновеніе и любилъ разъѣзжать по епархіи громоздко и заживаться тамъ подолгу со всею своею многочисленною свитою, которую составляли: ключарь, протодіаконъ, три іподіакона, весь архіерейскій хоръ въ 25—30 человѣкъ, келейники, кучеръ, форейторъ, а иногда и письмоводитель. Архіерей обыкновенно ѣхалъ съ ключаремъ въ своемъ дорожномъ фургонѣ, въ которомъ помѣщались большіе запасы провизіи, закусокъ и винъ; фургонъ везли 12 обывательскихъ лошадей. Позади, отставъ на большое разстояніе отъ своего владыки, тянулись огромная свита и множество повозокъ, биткомъ набитыхъ разною архіерейскою челядью и разною ея принадлежностію, а также съѣдомою поклажей. Живая кладь давала о себѣ знать своимъ гоготаньемъ, шумомъ, гамомъ, ораньемъ и пѣніемъ на разные лады всякихъ нецензурныхъ пѣсенъ. Всю эту жадную орду бѣдное духовенство вездѣ должно было принимать, кормить и поить до пьяна, и одарять деньгами, разными вещами, по требованію, терпя при этомъ тьму заботъ и хлопотъ, неблагодарностей и даже обидъ, особенно отъ пьяницъ. Въ поѣздкахъ своихъ епископъ Николай останавливался большею частію у помѣщиковъ и проживалъ иногда для отдыха у нихъ по многу дней, свита же его въ такихъ случаяхъ проживала на свободѣ, безъ дѣла, по селамъ и монастырямъ, объѣдала и опивала духовенство безпощадно. Вотъ они эти архіерейскіе „татаре“, замѣтимъ мы. Самымъ безцеремоннымъ взяточничествомъ прославился соборный ключарь, фаворитъ архіерея. Дѣло въ этомъ случаѣ происходило обыкновенно такъ. Когда архіерей посѣщалъ какой-нибудь приходъ, входилъ въ церковь съ пѣніемъ εἰς πολλά, осматривалъ алтарь и благосло-

влялъ народъ, въ это время ключарь устремлялъ стопы къ свѣчному ящику: здѣсь уже наготовѣ лежала приходо-расходная книга, ключарь начиналъ ее перелистывать и когда доходилъ до того мѣста въ ней, гдѣ вложены были деньги для него (ужъ, значитъ, такъ полагалось, по правилу), бралъ ихъ себѣ въ карманъ, говорилъ: „все исправно“ и возвращалъ книгу старостѣ. Затѣмъ тотъ же ревизоръ начиналъ считать наличную церковную сумму, при чемъ очень ловко отодвигалъ въ сторону золотые и цѣлковики, потомъ клалъ ихъ себѣ въ карманъ, восхваляя старосту и настоятеля за образцовый порядокъ. Описатель въ заключеніе говоритъ: „такъ обиралъ ключарь каждую церковь: бралъ и добровольную дачу, бралъ и своевольно“ [1]). Спрашивается: неужели же архіерей всего этого не видалъ и не зналъ? Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что дѣло визитаціи церквей архіереями не пришло въ должный порядокъ и въ послѣдующее, послѣниколаевское время. Тотъ же прот. Пѣвницкій, опять въ качествѣ личнаго наблюдателя, разсказываетъ намъ, какъ совершалъ, уже въ царствованіе Александра II, свои обозрѣнія епархіи митрополитъ Палладій Раевъ († 1898), когда онъ былъ впрочемъ еще въ чинѣ рядоваго епископа. Дѣло происходило въ Тамбовской епархіи. Подъ видомъ обозрѣнія епархіи, онъ просто разъѣзжалъ для развлеченія и между прочимъ для личнаго интереса. Любилъ онъ разъѣзжать по ней пышно, съ помпой и величественно. Излюбленный ключарь вездѣ упреждалъ архіерея, вездѣ подымалъ на ноги духовенство и народъ, заставлялъ ихъ устраивать Палладію покрудрявѣе (?) встрѣчи при въѣздахъ въ села и входахъ въ церкви. Палладій первый завелъ, чтобы изъ церквей вездѣ духовенство выходило къ нему навстрѣчу въ церковномъ облаченіи и съ множествомъ иконъ и хоругвей и ждало заранѣе его пріѣзда на церковной площади. Въ поѣздкахъ всегда его сопровождала огромная свита съ пѣвческимъ полнымъ хоромъ, протодіакономъ, иподіаконами. Но это только цвѣточки, а ягодки впереди. Вотъ, напримѣръ, какое было дѣло, по словамъ прот. Пѣвницкаго. Во время одной поѣздки по епархіи Палладій „со всею своею богохранимою свитою остановился въ санаксарскомъ монастырѣ:

[1]) Записки прот. Пѣвницкаго. Loc. cit., 138. 140.

всѣ пили, ѣли и отдыхали тутъ нѣсколько дней. Предъ своимъ отъѣздомъ архіерей беретъ за руку настоятеля, идетъ съ нимъ въ кабинетъ, начинаетъ говорить съ нимъ о матеріальномъ положеніи монастыря, узнаетъ, что не смотря на свою бѣдность, монастырь накопилъ 5000 денегъ, очень для него нужныя. Затѣмъ начинается слѣдующій любопытный діалогъ. Архіерей: „сколько же ты можешь пожертвовать мнѣ на постройки“? (должно сказать Палладій любилъ дѣлать не нужныя постройки). Настоятель на это сказалъ: „сотенку-другую, пожалуй“.—„Нѣтъ, тутъ не сотни, а тысячи надобно“.—Затѣмъ, помолчавъ нѣсколько владыка сказалъ: „вотъ что о. настоятель, пять тысячъ ты отдай всѣ, а я тебѣ разрѣшу рубить монастырскій лѣсъ, сколько хочешь и выручишь поболѣе 5000“. Настоятель сталъ-было возрожать, но дѣло все-таки кончилось тѣмъ, что деньги эти уплыли изъ монастырской казны. Разсказъ этотъ записанъ писателемъ со словъ потерпѣвшаго настоятеля, о. Иларія. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ, только и остается воскликнуть при этомъ. Тотъ же писатель прибавляетъ еще, что „все тамбовское духовенство не любило Палладія Раева за то, что онъ презрительно и свысока съ нимъ обращался, требуя раболѣпнаго поклоненія себѣ“ [1]). Очень недавно намъ привелось прочесть въ одной духовной газетѣ слѣдующую замѣтку: одинъ староста пишетъ (въ „епарх. отголоск.“) о большихъ расходахъ церквей и духовенства на пріемъ очень требовательной свиты архіереевъ при посѣщеніи послѣдними сельскихъ церквей [2]). Старая закваска, значитъ, еще не потеряла силы.

Обратимся къ ознакомленію съ матеріальнымъ положеніемъ архіереевъ изучаемаго нами періода, т.-е. Николаевскихъ временъ. Разумѣется, эта сторона положенія немного намъ извѣстна. Въ чужомъ карманѣ трудно считать деньги. Но все-таки нельзя умолчать, что безкорыстіе не всегда составляло принадлежность нашего архіерейства. Такъ повелось въ этомъ чинѣ почему-то очень давно, еще въ раннія византійскія времена. Отмѣнимъ нѣкоторые факты въ этомъ родѣ изъ эпохи, о которой мы ведемъ рѣчь. О управленіи

---

[1]) Тамъ же, стр. 570—572.
[2]) Церк. Вѣстн., 1906, № 39, ст. 1276.

епархіею архіепископа Кирилла Богословскаго-Платонова, въ одномъ оффиціальномъ документѣ передаются слѣдующіе факты. „Всякое лицо, получающее духовную степень, не прежде удостоивалось таковой, пока не пожертвуетъ деньгами подъ предлогомъ украшенія архіерейской церкви и ризницы, для чего подъ секретомъ хранилась (очевидно, записная) книга". Далѣе: „протоіерейскія степени и награды, зависящія отъ преосвященнаго и жалуемыя по его представленію синодомъ, давались не за заслуги, но прежде или послѣ полученія эти милости окупаются". Еще: „по распоряженію синода предписано было, чтобы лишь монастыри и благочинные подольской епархіи имѣли установленные печати; консисторія же распорядилась, чтобы и каждая приходская церковь имѣла такія печати, при чемъ печати, стоившія 1 рубль, продавались по 17 злотыхъ польскихъ" [1]). Разумѣется, все такое дѣлалось не безъ вѣдома архіерея. По извѣстіямъ о. Морошкина, епископъ Амвросій Моревъ чисто изъ корыстолюбивыхъ видовъ, отдалъ въ аренду частнымъ лицамъ продажу церковныхъ свѣчей и выдумалъ награждать священниковъ черными скуфьями, которыя позволялъ употреблять имъ даже во время богослуженія (II, 251). Подобнымъ же образомъ поступалъ и архіепископъ Гавріилъ Розановъ († 1858 г.). Онъ отдалъ, находящіяся при церквахъ (въ Одессѣ), свѣчныя лавки въ аренду сначала двумъ мѣстнымъ купцамъ, а потомъ одному изъ нихъ, который такимъ образомъ сдѣлался монополистомъ свѣчной торговли въ городѣ. Такое право куплено было подаркомъ архіерею двухтысячной кареты. Тотъ же архіепископъ приказалъ благочиннымъ взимать на архіерейскій домъ по 10 рублей ассигнаціями въ годъ съ каждой церкви, а съ богатыхъ и болѣе, будто-бы за церковные отчеты и метрическія книги; разсказывали, что ставленниковъ производилъ онъ на мздоимствѣ, взимая со священника 1000 р. ассигнаціями, а съ діакона 500. Домовой секретарь архіепископа Гавріила за объявленіе ставленникамъ резолюцій преосвященнаго вымогалъ съ каждаго отъ 20 до 50 рублей; ставленныя граматы, за которыя положено брать по 15 коп., продавались по 16 руб. Когда потребовалось объясненіе по этому поводу

[1]) Филарета м. М. Мнѣнія и отзывы (цитированн. изданіе), стр. 53. 56.

отъ архіерея, онъ могъ дать только отвѣтъ уклончивый (II, стр. 2—3). Въ болѣе позднее время наталкиваемся на факты еще худшіе. Одинъ изъ епархіальныхъ архіереевъ привлекалъ богатыхъ купцовъ къ пожертвованію на устройство храмовъ, представлялъ жертвователей къ наградамъ, и однакожь эти храмы остались построенными только на бумагѣ; когда же преемникъ этого епископа по кафедрѣ сдѣлалъ было запросъ о деньгахъ, пожертвованныхъ на церкви и не израсходованныхъ на этотъ предметъ, то получилъ въ отвѣтъ отъ предмѣстника, что въ деньгахъ, пожертвованныхъ чрезъ него на благія дѣла, онъ не намѣренъ давать отчета. Сообщалось также, что производился какой-то сборъ въ одной епархіи на построеніе какихъ-то архіерейскихъ конюшенъ[1]). А развѣ ужъ конюшни—такая неизбѣжная нужда? Нѣкоторые архіереи увеличивали свои незаконные доходы путемъ распродажи своихъ сочиненій. Разумѣется, всякій архіерей, если онъ, къ сожалѣнію, былъ въ тоже время и писателемъ, могъ безнаказанно навязывать церквамъ и духовенству, часто неимѣвшія сбыта, свои сочиненія. Такіе факты общеизвѣстны. Но нѣкоторыя изъ архіереевъ въ подобномъ случаѣ достигали значительной виртуозности. Такъ одинъ документъ оффиціальнаго происхожденія удостовѣряетъ, какъ далеко простирались злоупотребленія архіепископа Кирилла Богословскаго-Платонова при продажѣ имъ своихъ проповѣдей въ его епархіи. „За пріобрѣтеніе издаваемыхъ Кирилломъ проповѣдей не приглашались, но ежегодно (замѣтьте: ежегодно) заставлялись указомъ консисторіи всѣ церкви, духовенство, причетники (sic!), лица, назначенныя къ рукоположенію и даже церковные старосты (слава Богу, хоть сдѣлано исключеніе для женъ и дѣтей священническихъ!) къ платежамъ за *годовое изданіе* по 3 рубля серебромъ“[2]). Достойно истиннаго сожалѣнія, что Кириллъ оказался очень плодовитымъ писателемъ. Еще находчивѣе поступалъ въ дѣлѣ распространенія своихъ многочисленныхъ произведеній митр. Макарій Булгаковъ. Въ Московской академіи въ 60-хъ годахъ въ библіотекѣ ея, была такая большая масса экземпляровъ „догматическаго богословія“ Мака-

---

[1]) Церк. Вѣстн., 1906, № 39, ст. 1276.
[2]) Филарета. Мнѣнія и отзывы (цитирован. изданіе), стр. 53.

рія, что ими хоть печи топи. Въ бытность студентомъ названной академіи, я недоумѣвалъ по этому поводу, но дѣло объяснялось очень просто. Преосв. Макарій, пользуясь своими связями въ синодскихъ сферахъ, пожелалъ сбывать съ рукъ свою догматику въ учебныя заведенія оптомъ, и вотъ въ одно прескверное утро Моск. дух. академія получила сразу 100 экземпляровъ многотомной догматики Макарія, при чемъ деньги за нихъ авансомъ удержаны были синодской канцеляріею изъ тѣхъ суммъ, которыя назначались на нужды библіотеки указанной академіи. А такъ какъ ежегодный библіотечный бюджетъ въ то время былъ очень ограниченъ, то академія цѣлый годъ сидѣла безъ новыхъ книгъ, томилась книжнымъ голодомъ[1]). Другой случай, иллюстрирующій умѣнье преосв. Макарія же распространять свои сочиненія. Въ одной бѣдной сельской церкви ярославской губ. въ шкафу оказалось нѣсколько разрозненныхъ томовъ „исторіи русской церкви“ вышеназваннаго владыки. Возникалъ вопросъ: какимъ образомъ и зачѣмъ попали въ сельскую церковь ни на что непригодные, разрозненные томы „исторіи“? Оказалось, что они присланы были изъ консисторіи, безъ вѣдома причта, и за нихъ истребована крупная сумма денегъ изъ скуднаго кошелька бѣдной церкви[2]). Очевидно, это произошло по распоряженію высшаго центральнаго духовнаго управленія, инспирируемаго заботливымъ авторомъ даннаго сочиненія. Такъ наживаются капиталы на спеціальныхъ сочиненіяхъ! Вѣдь, безъ сомнѣнія, эта послѣдняя операція произведена была въ очень многихъ епархіяхъ русской церкви. А сколько здѣсь насчитывалась приходовъ?!

Быть можетъ, читатель слишкомъ щепетильный, пробѣгая послѣднія страницы изъ сейчасъ написаннаго, подумаетъ: какія это мелочи? къ чему объ этомъ писать? но св. Златоустъ разсуждаетъ не по вашему. Останавливая свое вниманіе на фарисейской скрупулезности, осуждаемой евангеліемъ, св. отецъ замѣчаетъ: „все это сочтетъ, пожалуй, кто либо и за мелочи, но мелочи эти бываютъ причиною великихъ золъ“[3]).

---

[1]) Разсказъ этотъ переданъ здѣсь съ подлинныхъ словъ покойнаго проф. Моск. дух. акад. Е. В. Амфитеатрова.

[2]) А этотъ разсказъ передается здѣсь со словъ проф. же Моск. акад. покойнаго Андр. П. Смирнова.

[3]) Творенія его въ рус. пер., т. VII, 730. Спб. 1901.

Намъ теперь слѣдовало бы сказать, какъ значительны были иногда архіерейскіе капиталы, нажитые тѣми ли способами, на какіе мы указывали, или какими другими. Но по этому вопросу мы мало освѣдомлены. Можемъ привести лишь слѣдующіе примѣры. Въ 1863 году скончался рязанскій архіепископъ Смарагдъ Крыжановскій, оставившій послѣ себя очень значительный капиталъ. Узнаемъ объ этомъ изъ писемъ митр. Филарета къ оберъ-прокурору синода. Этотъ митрополитъ въ указанныхъ письмахъ говоритъ: „не свѣтлая черта, что представившійся (Смарагдъ) оставилъ (послѣ себя) около 100,000 рублей. Можетъ быть она просвѣтлѣетъ, если найдется о нихъ завѣщаніе общеполезное". Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ „по количеству сбереженнаго трудно было всему придти законнымъ путемъ. Гласность не будетъ благосклонна. Одно облегченіе возможно—доброе завѣщаніе" (по токоваго, замѣтимъ, не обрѣлось). Еще: „свѣдѣнія о преосв. Смарагдѣ очень печальны. Конецъ не соотвѣтствовалъ началу" его дѣятельности[1]). Нѣкоторыя свѣдѣнія имѣемъ мы о большомъ капиталѣ, оставшемся по смерти митрополита Филоѳея Успенскаго († 1882). Это удивило всѣхъ его почитателей, потому что онъ слылъ за великаго аскета и молчальника. Преосв. Савва въ своихъ извѣстныхъ „запискахъ" писалъ: „Не скрою скорби моей, что газеты съ такимъ злорадствомъ разнесли вѣсть о томъ, что Филоѳей оставилъ послѣ себя 97,000 рубл. Лично знавши святителя и его жизнь и то смутился и удивился тому, что копилъ онъ капиталъ, чего учитель его—Филаретъ Московскій былъ вполнѣ чуждъ". Макарій епис. Нижегородскій, обращаясь по этому поводу къ одному важному свѣтскому чиновнику указаннаго города, съ ироніей сказалъ: „вотъ умри вы и окажись у васъ 90,000, начнутъ говорить: награбилъ, а у святителя (т.-е. Филоѳея) нашлось 90,000—это ничего". Митрополитъ Платонъ, преемникъ Филоѳея, по извѣстіямъ архіеп. Саввы, и совсѣмъ критически отнесся къ своему предшественнику и къ собранному имъ для наслѣдниковъ капиталу. Даже въ Кіевской лаврѣ, гдѣ жилъ и умеръ Филоѳей, послѣ этого охладѣло къ нему усердіе многихъ.

---

[1]) Письма Филарета къ выс. особамъ и разнымъ лицамъ. Часть 2, стр. 205. 210. 222. Тверь, 1888.

Стоустая молва поставляла происхожденіе этого капитала въ связь съ грандіознымъ хищеніемъ, изъ за котораго возникло громкое судебное „дѣло о Мазуриной и Булахъ“ [1]). Самый большой капиталъ, который былъ нажитъ лицомъ архіерейскаго сана—это, конечно, капиталъ митрополита Макарія Булгакова. Этотъ капиталъ, какъ мы видѣли, былъ нажитъ не совсѣмъ-то легальными путями, посредствомъ начальственнаго вымогательства и въ цѣломъ, вѣроятно, простирался до полумилліона, какъ видно изъ того, что на разныя преміи его имени имъ накоплено болѣе 300,000 рубл.[2]). Въ оправданіе Макарія скажутъ: онъ доброе дѣло сдѣлалъ, учредилъ преміи, но, по нашему мнѣнію, дѣло архіереевъ не учреждать стотысячныя преміи, а показывать добрый примѣръ христіанской нестяжательности. Вѣдь, лишнія деньги архіерей всегда можетъ сейчасъ-же отдавать нуждающимся, какъ и дѣлалъ нашъ митрополитъ Филаретъ.

Духовный регламентъ, какъ мы знаемъ, требовалъ отъ архіереевъ, чтобы они „ненужныхъ строеній не дѣлали, такожъ священнаго себѣ одѣянія и своего платья надъ подобающую чести своей потребу не умножали“. Но по обыкновенію, архіереи этой заповѣди, какъ и другихъ возвѣщен-

---

[1]) Саввы архіеп. Тверскаго. Автобіогр. Записки. „Богосл. Вѣстн.“, 1905, т. II, стр. 593. 604. 637. 655.

[2]) Ученые богословы отъ своихъ сочиненій, обыкновенно, капиталовъ не наживаютъ. Знаменитыя сочиненія проф. Е. Е. Голубинскаго дали ему, по его собственнымъ словамъ, такой каниталъ, который ничтоженъ до смѣшного.—Митрополитъ Макарій изъ тщеславія пожелалъ въ качествѣ историка соперничать съ Соловьевымъ. Но онъ могъ легко обойтись безъ этого. Потому что у архіерея есть одно дѣло, но огромное (Іоан. 21, 16 кон.). Кто отдается этому дѣлу, тому некогда писательствовать. Епархіальный архіерей въ качествѣ крупнаго писателя—это абсурдъ. По моему мнѣнію, архіерей, чувствующій призваніе къ ученому писательству, долженъ проживать на покоѣ. За двумя зайцами не угоняешься. Митр. Филаретъ, у котораго каждая минута была на учетѣ и который отличался не только исключительнымъ свѣтлымъ умомъ, но и добрымъ здоровьемъ, сдѣлавшись архіереемъ, всегда жаловался на обремененіе его текущими дѣлами. Такъ еще будучи въ молодыхъ лѣтахъ, онъ писалъ: „много дѣлъ, много праздниковъ, много людей, отнимающихъ время“. Позднѣе: „Дѣла должности дѣлаю, но ихъ больше нежели силъ и времени“ (Письма къ роднымъ, стр. 245. 350). А къ старости, его обремененіе дѣлами еще болѣе увеличилось. Онъ говорилъ: „не знаю, что такое. Я какъ въ неволѣ. Каждый день столько нападаетъ на меня и людей и дѣлъ. Я подобенъ евреямъ въ Египтѣ“. (Письма къ архим. Антонію, намѣстнику, т. III, 265; т. IV, 272). Послѣ всего этого, скажите: епископъ, обязанный „душу свою полагать за овцы“, имѣетъ ли въ тоже время возможность сочинять многотомныя книги, часто требующія больше вниманія, чѣмъ управленіе епархіею, и тѣмъ домогаться славы человѣческой?

ныхъ въ регламентѣ заповѣдей, не соблюдали. Факты, на которые мы хотимъ указать, почти всѣ относятся ко временамъ, болѣе близкимъ къ намъ. Неимовѣрною любовью къ ненужнымъ постройкамъ заявилъ себя митрополитъ Палладій Раевъ, когда онъ былъ еще простымъ епископомъ. Въ „запискахъ“ прот. Пѣвницкаго читаемъ: „Память о себѣ Палладій оставилъ однѣми постройками, да и то совершенно не нужными и обременявшими многихъ понапрасну“. Далѣе онъ приводитъ примѣры. Отмѣтимъ одинъ изъ нихъ. Недовольствуясь давнишнимъ архіерейскимъ домомъ, въ которомъ находили весьма достаточное и просторное до излишества помѣщеніе всѣ его предшественники, Палладій задумалъ, во что-бы то ни стало, надстроить на немъ такое же помѣщеніе повыше и нимало не медля началъ широкую и дорогую постройку. Средства же денежныя велѣлъ собирать по епархіи, особенно изъ сундуковъ монастырскихъ. И выстроилъ такъ, что на прежнемъ большомъ архіерейскомъ домѣ явился другой домъ, тоже большой и просторный, сообщающійся съ нижнимъ многими внутренними ходами, и сталъ такимъ образомъ архіерейскій домъ истиннымъ лабиринтомъ съ несчетнымъ количествомъ комнатъ. Зачѣмъ и для какихъ цѣлей совершилось это столпотвореніе—неизвѣстно. Самому архіерею нуженъ въ немъ только одинъ уютный уголъ, гдѣ онъ и находитъ свой покой, а все прочее, какъ пустыня, великая и пространная, необитаема[1]). Митрополитъ Макарій тожъ очень любилъ тратить лаврскія деньги на перестройку и изукрашеніе архіерейскихъ покоевъ—въ Москвѣ и въ Лаврѣ. На эту затѣю, говорятъ, онъ истратилъ десятки тысячъ, которыя могли бы быть употреблены съ большею пользою. Да и почему бы владыкѣ не истратить на эту прихоть часть изъ своего полумилліоннаго состоянія? Нужно сказать, что архіеп. Никаноръ Бровковичъ, въ бытность свою архимандритомъ, однажды посѣтилъ московскія кельи митр. Филарета, и удивляясь паркетамъ, росписнымъ потолкамъ, аристократической мебели, вообще блеску, даже находилъ, что помѣщеніе не напоминало „апостольской простоты“[2]). Знакъ, что москов-

---

[1]) Записки. Loc. cit., стр. 570.
[2]) Архіеп. Никаноръ. Біограф. матеріалы, 303.

ское помѣщеніе митрополита вовсе не нуждалось въ тѣхъ разорительныхъ поправкахъ, которыхъ потребовалъ новый изящный митрополитъ. — Что касается излишества во „священномъ одѣяніи“, противъ чего предостерегаетъ архіереевъ регламентъ, то извѣстно, что архіерейскія ризницы повсюду разнообразны и богаты. Но интереснѣе всего то, что нѣкоторые архіереи по своей неумѣренной любви къ пышности и разнообразію своихъ облаченій доходили иногда до святотатства. Объ архіепископѣ Гавріилѣ Розоновѣ разсказываютъ слѣдующее. Отобравъ во всѣхъ церквахъ (Одессы) отъ иконъ серебряныя и золотыя привѣски въ значительномъ числѣ пудовъ, а равно драгоцѣнные камни и жемчугъ и церковную сумму, онъ публиковалъ въ газетахъ, что все это ему пожертвовано отъ неизвѣстнаго; затѣмъ послалъ все это въ Москву, чтобы тамъ изъ этихъ вещей изготовить для него архіерейскую ризницу со всѣми къ ней принадлежностями. (Морошкинъ, II, стр. 2). Къ слову сказать, у насъ подъ руками есть любопытная книжица: „Записки П. Грозова, бывшаго діакона, при Филаретѣ митрополитѣ Московскомъ о служеніяхъ послѣдняго въ Москвѣ и въ Московской епархіи“ (стр. 1—130)[1]). Книжка состоитъ исключительно изъ краткихъ замѣтокъ въ родѣ слѣдующей: 1857 г. „декабря, 6-го дня. Владыка изволилъ служить въ Чудовѣ монастырѣ. Облаченіе бѣлое, съ подворья, парчевое, полоскими и цвѣтами бѣлыми. Митра красная, вверху св. Духъ (?) съ брилліантовыми и жемчужными камнями. Другая зеленая. Мантія съ жемчугомъ фіолетовая. Орлы голубые. Подушка бѣлая. Посохъ царскій. Панагія плоская и крестъ № 2“, (стр. 34). Какое же значеніе можетъ имѣть такое діаконское произведеніе? Если авторъ для памяти записывалъ, что именно изъ облаченій и ихъ принадлежностей по своему личному усмотрѣнію или распоряженію митрополичьяго экономa, бралъ онъ и приготовлялъ для митрополичьяго служенія, то, конечно, его произведеніе не имѣетъ никакого значенія; если же, какъ старается увѣрить издатель, примемъ (изъ текста „записокъ“ этого однакожъ не видно), за несомнѣнное, что самъ митрополитъ указывалъ своему діакону (точнѣе: иподіакону): въ чемъ онъ думаетъ совершать

[1]) Изданіе свящ. Д. И. Ромашкова. М., 1904.

ближайшую праздничную церковную службу (стр. 2), то, возникаетъ вопросъ, возможное-ли это дѣло, чтобы Филаретъ, у котораго дорога была каждая минута, могъ обдумывать: въ какомъ облаченіи цѣлесообразнѣе совершать службу въ тотъ или другой празднуемый день? Не мелочь ли это?—По вопросу о томъ, „умножаютъ-ли наши архіереи свое платье надъ подобающую своей чести потребу“, конечно, много распространяться нѣтъ надобности. Извѣстно, что русскіе архіереи, въ противность греческимъ, одѣваются пестро и богато, въ шелки, бархатъ и соболя, подобно московскимъ купчихамъ. Не могу однакожъ удержаться отъ того, чтобы не записать здѣсь одного личнаго воспоминанія о фактѣ, который можетъ изгладиться изъ памяти потомства (а это было бы жаль). Въ 1875 году отъ синода посланъ былъ ревизовать моск. дух. академію, прославленный докторъ богословія преосвящ. Макарій Булгаковъ, тогда еще лишь архіепископъ. Получено было извѣстіе, когда, въ какой день онъ пожалуетъ въ троицкую лавру. Нашлись въ академіи лица, которыя поставили себѣ цѣлію прослѣдить изъ любопытства за всѣмъ, чѣмъ будетъ сопровождаться прибытіе и пребываніе въ лаврѣ такого высокаго, съ петербургской складкой, гостя. Этихъ любопытныхъ людей въ первый же день по пріѣздѣ владыки, поразило слѣдующее обстоятельство: въ массѣ багажа, привезеннаго на лаврскихъ конягахъ въ митрополичьи покои, гдѣ имѣлъ пребываніе высокій гость, они, т. е. любопытствующіе, узрѣли болѣе десятка ящиковъ въ формѣ небольшихъ гробиковъ. Что значилъ сонъ сей? Что хранилось въ этихъ гробикахъ? Вопросъ, надъ которымъ они безпомощно ломали голову. Но „ларчикъ просто открывался“. Это уяснилось постепенно, по мѣрѣ дальнѣйшихъ наблюденій надъ владыкою. Оказалось, что каждый гробикъ былъ футляромъ и заключалъ рясу владыки съ приличествующимъ ей гарниромъ. Макарій пробылъ въ лаврѣ, на этотъ разъ, столько дней, сколько было у него захвачено костюмовъ. Каждый день онъ облекался въ новую для зрителей рясу, при чемъ подрясникъ, четки и панагія всегда имѣли колоритъ, подходящій къ цвѣту рясы. Когда академическая корпорація представлялась владыкѣ, на немъ была великолѣпная темно-голубая бархатная ряса, а когда корпорація раскланивалась съ нимъ, въ день его отъѣзда,

онъ былъ одѣтъ въ роскошную же свѣтло-малиновую бархатную рясу. Въ промежутокъ между этими днями владыка носитъ *только* шелковыя костюмы, преимущественно, кажется, муаровые[1]). Господи, чѣмъ могутъ интересоваться люди[2])!

Скажемъ теперь еще объ одной сторонѣ архіерейскаго быта, о которой регламентъ, къ сожалѣнію, не постановилъ никакой заповѣди, вѣроятно даже тонкій умъ Ѳеофана не могъ провидѣть того, что потомъ стало реальнымъ явленіемъ. Правда регламентъ рекомендовалъ архіереямъ простоту въ жизни, но такого общаго правила было недостаточно въ виду той, подчасъ, болѣе, чѣмъ царской роскоши и тѣхъ лукулловскихъ вечерей, которыми прославились нѣкоторые владыки Николаевскихъ и послѣдующихъ временъ. Нашъ прежній знакомецъ, митрополитъ Антоній Рафальскій „захотѣлъ поставить себя магнатомъ, по-стариннымъ имперскимъ статутамъ. Митрополичій домъ свой въ Петербургѣ онъ отдѣлалъ великолѣпно. Тамъ, гдѣ прежде видѣли потускнѣвшую позолоту, Антоній положилъ мраморъ съ позолотою, картины въ дорогихъ золоченыхъ рамахъ. Гдѣ прежде видѣли простую окраску половъ, тамъ онъ положилъ паркетъ—мозаику. Устроилъ великолѣпную золоченую мебель. Поставилъ швейцара съ булавой,[3]) котораго прежде не было. Выѣзжать сталъ при кучерѣ и форейторахъ въ галунахъ и трехуголкахъ, и съ двумя гайдуками на запяткахъ въ ливреяхъ же и треуголкахъ“. Если регламентъ упрекалъ архіереевъ, что они стремились стать по чести на линіи царской, то Антоній, кажется, желалъ затмить и самихъ царей. Въ самомъ

---

[1]) Архіеп. Никаноръ Бровковичъ, нужно сказать, былъ не высокаго мнѣнія о Макаріи. „Умъ преосв. Макарія, пишетъ онъ, былъ ясный и точный, но совсѣмъ же поверхностный, крайне не глубокій и въ довершеніе надменный, отъ легкости и необъятности достигнутыхъ не столько успѣховъ, сколько похвалъ“. Біогр. матер., 258.

[2]) Кстати сказать, Макарій былъ очень требователенъ по части каретъ. Въ бытность еще еписк. тамбовскимъ, онъ говорилъ въ письмѣ къ брату: „о каретѣ я ужъ писалъ къ о. Кириллу (инспектору акад.) и просилъ купить ее въ Петербургѣ: въ Москвѣ не сумѣютъ сдѣлать такъ красиво“. Труд. кіев. дух. ак., 1907, т. I, 60).

[3]) Преосвящ. Лаврентій Некрасовъ, съ свойственною ему ироніею, такъ описываетъ челядь нынѣшняго свят. синода. „Св. синодъ менѣе всего походитъ на то, что мы называемъ священнымъ соборомъ. Васъ встрѣчаетъ швейцаръ съ булавой, затѣмъ курьеры съ золотыми и серебряными медалями“. „Церк. Вѣдом.“, 1906, № 40, ст. 2683.

дѣлѣ, въ то время, какъ Николай I выѣзжалъ обыкновенно на парѣ, а императрица въ рѣдкихъ случаяхъ на шестерикѣ, митрополитъ, обычно разъѣзжалъ на шестерикѣ, а въ торжественныхъ случаяхъ даже на осьмерикѣ[1]). Онъ любилъ жить на широкую ногу, имѣлъ роскошный столъ, любилъ долго продолжавшіеся обѣды, у него были французскіе повара: покровительствующій ему, фельдмаршалъ Паскевичъ прислалъ ему своего повара, чудо повареннаго искусства. Митрополитъ рѣдкій день обѣдалъ одинъ и рѣдкій столъ проходилъ у него безъ шампанскаго (Морошк., I, 98. 104—5). Говорятъ, что, когда митр. Антоній умеръ, то Николай I сказалъ: „да, у меня митрополитъ будетъ, но Антонія уже не будетъ“ (ibid., 105). И я съ своей стороны увѣренъ, что второго Антонія Рафальскаго петербургскимъ митрополитомъ—не будетъ; но, вѣдь, и слава Богу. Съ Антоніемъ Рафальскимъ по роскоши и неумѣренности въ столѣ соперничать, не разъ нами упоминаемый, митр. Палладій Раевъ. Извѣстія наши о немъ относятся впрочемъ къ тому времени, когда онъ былъ еще рядовымъ епископомъ въ Тамбовѣ. Прот. Пѣвницкій пишетъ: любилъ онъ пожить въ свое удовольствіе. Поваръ у него былъ первоклассный и столъ готовился изысканный и обильный, подавались стерляди, осетры, лучшія вина съ шампанскимъ Редереръ. При немъ жилъ его родной братъ, іеромонахъ, да еще два сына владыки. Весь столъ и все содержаніе оплачивалось на братскій (!) монастырскій счетъ. И все прежде (въ монастырѣ) скопленное ушло, по выраженію описателя, на это благоутробіе. (Потрачено 20,000 р. въ три года[2]) Мало того, уѣзжая, Палладій оставилъ послѣ себя неоплаченными много счетовъ по разнымъ колоніальнымъ, гастрономическимъ и виннымъ лавкамъ; въ этихъ счетахъ значилось на большую сумму изысканные и дорогіе предметы потребленія: рейнвейны, венгерское, клико, зернистая икра, балыки, стерлядь, даже рябчики, и всякіе фрукты. И все это на тысячи оплатилъ послѣ монастырь[2]).

Насколько въ настоящее время архіереи блещутъ „апостольскою простотою, чуждою джентлеменства“, скажемъ мы,

---

[1]) Архіеп. Наканоръ. Біогр. матер., 112—113.
[2]) Записки. Loc. cit., 571.

пользуясь терминологіей архіеп. Никанора, предоставляемъ судить другимъ[1]).

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ вопросъ, который не нашелъ себѣ надлежащаго мѣста выше. Духовный регламентъ требовалъ отъ епископовъ, чтобы каждый изъ нихъ зорко смотрѣлъ за тѣмъ: „не проявляетъ ли кто для скверноприбытства ложныхъ чудесъ при иконахъ, при кладезяхъ, источникахъ и таковая бездѣлія“ приказывалъ „запрещать“. Но, къ сожалѣнію, нашъ главный источникъ, „матеріалы“ о. Морошкина, молчитъ по указанному поводу. Правда, изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что наприм. нашъ митр. Филаретъ въ данномъ случаѣ стоялъ на высотѣ своего призванія; но по Филарету нельзя составлять понятія о дѣятельности прочихъ архіереевъ. Подражали ли они ему— мы не знаемъ. Въ бумагахъ Филарета впрочемъ встрѣчается указаніе на одинъ фактъ, свидѣтельствующій, что иные епископы его времени, довольно легкомысленно относились къ своей обязанности преграждать путь къ прославленію мнимочудотворныхъ иконъ. Такъ въ 1859 г. оренбургскій епископъ Антоній Радонежскій († 1872) доносилъ синоду, что въ домѣ казачьяго урядника Макарова икона св. Николая начала источать миро изъ очей; при этомъ не разобравъ хорошенько дѣла, просилъ мѣстнаго наказнаго атамана купить этотъ домъ и обратить его сперва въ молитвенный домъ, а потомъ въ церковь. Впрочемъ потомъ архіерей увидѣлъ, что онъ впалъ въ грубое заблужденіе; онъ самъ писалъ по этому поводу въ синодъ, что „икона не выдержала критики и что она убрана въ укромное мѣсто“[2]), т. е., конечно, была спрятана.—Духовный регламентъ, какъ мы знаемъ, вооружается не только противъ мнимо-чудотворныхъ иконъ, но и предостерегаетъ отъ прославленія сомнительныхъ по своему до-

---

[1]) Никаноръ. Тамъ же, 303. Н. П. Поповъ пишетъ: „отрекшіеся отъ міра разъѣзжаютъ въ коляскахъ съ резиновыми шинами на сытыхъ породистыхъ лошадяхъ. Настоятель В—го монастыря архим. А—ей за божью копеечку покупалъ для своего стола рейнскую лососину по 3 р. 50 к. за фунтъ, кочешки цвѣтной капусты по 4 р. штука“ (Loc. cit. 801). Но тутъ рѣчь идетъ о монастыряхъ, для которыхъ законъ не писанъ. Жаль, что авторъ полностью не назвалъ ни монастыря, ни настоятеля. Неужели, имѣя свободу печати, мы лишены права увѣковѣчить имя лучшаго гастронома на монашескомъ поприщѣ?

[2]) Собраніе мнѣній и отзывовъ митр. Филарета. Томъ дополнительн., стр. 501—2. 505. Спб., 1887.

стоинству мощей, когда внушалъ епископамъ: „о мощахъ, гдѣ какія явятся сумнительныя разискивать“. Повидимому, это требованіе было излишнимъ: трудно представить себѣ, что бы кто-нибудь рѣшился прославлять мощи чуждыя святости. Но однакожъ дѣйствительность граничитъ иногда съ невѣроятнымъ. То, что разсказывается на основаніи оффиціальныхъ данныхъ не о какомъ нибудь темномъ человѣкѣ, а о епископѣ Амвросіѣ Моревѣ представляется очень страннымъ. А разсказывается о немъ вотъ что: въ городѣ Балахнѣ огласили святымъ одного монаха, по имени Пафнутія, умершаго лѣтъ за 200 до того времени, къ которому относится наше происшествіе. Стали разглашать, особенно женщины, о разныхъ чудесахъ, будто бывающихъ на его могилѣ. Амвросій, основываясь на этихъ росказняхъ, безъ всякаго сношенія съ синодомъ, какъ бы канонизовалъ Пафнутія и приказалъ построить надъ его гробомъ церковь. За это противозаконное дѣйствіе, Амвросій въ наказаніе переведенъ съ лучшей епархіи на худшую. (Морошкина, II, 377).

Итакъ мы видимъ, что недостатки неразлучны съ жизнію церкви. Ни ветхозавѣтный, ни новозавѣтный законъ не избавлялъ церкви отъ печальныхъ явленій въ жизни ихъ послѣдователей. Ветхозавѣтный законъ такъ называемаго избраннаго народа не избавилъ этого послѣдняго отъ тяжкихъ заблужденій. Дѣло кончилось тѣмъ, что все стало у него клониться къ явному упадку: „скинія церкви ветхозавѣтной готова была превратиться въ развалины“ (Филаретъ) во дни Христовы. Отчего произошло такое явленіе? По свидѣтельству Христа оттого, что вожди народа оказались слѣпыми вождями (Мѳ., 23, 16. 24); мало того слѣпыми, но и безумными (—17). Они только умѣли говорить хорошо о Богѣ, добродѣтели и законѣ, а дѣйствовать сообразно своему ученію и не умѣли и не хотѣли. Какими же они могли быть руководителями другихъ? Очень дурными. „Они — слѣпые вожди слѣпыхъ, а если слѣпой ведетъ слѣпого, то оба упадутъ въ яму“ (Мѳ. 15, 14). Вожди избраннаго народа, не смотря на всѣ его преимущества, вели его не въ свѣтлый рай, а въ тинистую яму. Таково значеніе неразумныхъ вождей въ жизни народа. И мы знаемъ, что послѣ этого времени еврейскій народъ никогда не могъ достигнуть той высоты

своего развитія, на какой стоялъ во дни великихъ ветхозавѣтныхъ пророковъ. Новая христіанская религія, основанная самимъ Сыномъ Божіимъ, тоже недолго удержалась на должной высотѣ, давала благополучіе ея послѣдователямъ. Куда-то изчезли и тотъ энтузіазмъ, и та гармонія духа, которыя раньше были достояніемъ ея послѣдователей. Григорій Богословъ уже ничего хорошаго, какъ мы знаемъ, не видѣлъ въ положеніи византійской церкви его времени. Онъ и самъ нуждался въ новомъ Ноевомъ ковчегѣ, чтобы спастись отъ угрожавшей гибели. Виновниками такого злосчастія онъ считалъ вождей церкви, епископовъ. Вожди оказывались дурными, не могли быть лучше и руководимые ими. Григорій Богословъ, изобразивъ нравственный упадокъ епископата, говоритъ: „таковы вожди“, и прибавляетъ: „а недалеко отсталъ и народъ“. О послѣднемъ же онъ пишетъ: „Всякій мудръ на злое. Одинъ законъ (для всѣхъ): тому имѣть преимущество, кто всѣхъ порочнѣе. Они хотѣли бы, чтобы имъ принадлежали и міръ, и Богъ, и все, что въ послѣдніе дни будетъ принадлежать совершеннымъ; и чтобъ добрые трудились напрасно. Вотъ что угодно, чтобы бѣжала отсюда всякая правда, чтобы все слилось во едино — Христосъ, человѣкъ, солнце, звѣзда, тьма, ангелъ добрый и денница, уже не свѣтозарная (рисуются соціалистическія представленія IV вѣка о всеобщемъ равенствѣ), чтобъ почитались равными апостолу Петру — богоубійца Искаріотъ и священному Іерусалиму—злочестивая Самарія, чтобы были въ равной цѣнѣ и золото, и серебро и желѣзо, въ одномъ достоинствѣ жемчужина съ дикимъ камнемъ и стокъ нечистотъ съ чистымъ источникомъ,—чтобъ все смѣшалось между собою и слилось вмѣстѣ, какъ прежде, когда міръ былъ еще первозданнымъ веществомъ“ (твор. его, VI, 80), т. е. чтобы все снова пришло въ состояніе хаоса. Интересная картина. Григорій здѣсь говоритъ о той переоцѣнкѣ цѣнностей, которая имѣла мѣсто въ его время и которая такъ напоминаетъ наше время, наши дни. Тоже стремленіе поставить, какъ говорится, все кверху дномъ, какъ это наблюдается у насъ и сейчасъ. Нашъ св. отецъ думаетъ, что все, что было дурнаго въ обществѣ въ его время—возникло благодаря недостойнымъ духовнымъ вождямъ народа. „Мы, говоритъ онъ о епископахъ конца IV вѣка, мы—враги

немощей (по идеѣ) и въ то же время (на дѣлѣ) мертвецы, заражающіе (другихъ) новыми и новыми недугами; мы, идти въ разрѣзъ съ которыми—правило самое вѣрное и вмѣстѣ урокъ, всего прямѣе ведущій ко спасенію" (ibid., 6). Единственная польза отъ испорченныхъ епископовъ, по нему, заключается въ слѣдующемъ: кто учится живописи, тотъ ставитъ предъ собою оригиналъ и какъ можно точнѣе копируетъ его. „Но кто смотритъ на васъ, т. е. недостойныхъ епископовъ, тотъ пойдетъ противоположною стезею. И это, говоритъ св. отецъ,—единственная польза отъ вашей т. е. епископской, испорченности" (ibid., 78). Младшій современникъ Григорія, св. Іоаннъ Златоустъ съ своей стороны указывалъ, что епископъ только тогда достигаетъ своей задачи, когда является образцомъ для ввѣренныхъ его попеченію. Онъ пишетъ: „учитель закона говоритъ ли, молчитъ ли, обѣдаетъ ли, или что другое дѣлаетъ, долженъ являться образцомъ—и въ походкѣ, и во взорѣ, и въ одеждѣ и вообще во всемъ"[1]). Но такихъ идеальныхъ пастырей церкви было мало, а большинство ихъ вовсе не заботилось о подаваніи добраго примѣра. О результатахъ такого положенія дѣла нами было уже говорено.—Духовный регламентъ Ѳеофана, какъ мы знаемъ, главнымъ порокомъ русскаго епископскаго сана почиталъ спѣсивость, отъ которой, какъ отъ источника, производилъ онъ другіе крупные недостатки нашего высшаго духовенства. Этотъ памятникъ указываетъ въ качествѣ главнаго правила епископскаго поведенія слѣдующее: „вѣдалъ бы всякъ епископъ мѣру чести своея и не высоко бо о ней мыслилъ". При другомъ случаѣ онъ же внушаетъ, „чтобъ епископы искалибъ не яже своя, но яже Господа Іисуса". Всѣ недостатки епископскаго чина авторъ регламента возводитъ по своему происхожденію ко временамъ очень древнимъ, къ началу IV вѣка, т. е. къ еще болѣе ранней эпохи, чѣмъ когда жилъ Григорій Богословъ. Значитъ, весь длинный періодъ православной церкви отъ IV вѣка до начала XVIII-го, съ точки зрѣнія регламента, представлялъ собою темную полосу въ жизни церкви. И мы не думаемъ, чтобы авторъ слишкомъ ошибался, предаваясь ламентаціямъ. Во всѣ эти вѣка было мало хорошаго въ жизни церкви. Во всякомъ случаѣ, регламентъ

[1]) Творен. его, т. VII, 730.

улучшеніе дѣлъ церковныхъ желалъ бы начать съ епископовъ. Безъ сомнѣнія это и справедливо.—Но вотъ вопросъ: требованія, предъявляемыя регламентомъ, послужили ли стимуломъ къ нравственному возрожденію епископскаго чина? Мы старались нарисовать картину интелликтуально-моральнаго состоянія епископата средины XIX-го вѣка, сопоставляя факты этого времени съ позднѣйшими и даже современными и пришли къ тому выводу, что регламентъ оставался книгой почти запечатанною для нашихъ архіереевъ; въ этой книгѣ они мало находили обязательныхъ для себя правилъ. Всѣ дѣла оставались почти въ прежнемъ положеніи. Архіереи ничего не забыли, и ничему не научились. Поучительно въ настоящемъ случаѣ выслушать голосъ автора „Записокъ", недавно появившихся, очевидно, при условіяхъ свободы печати, — голосъ прот. Пѣвницкаго, авторитетъ котораго въ смыслѣ безпристрастія не возбуждаетъ сомнѣнія. О. Пѣвницкій, описывая конецъ 50-хъ годовъ, передаетъ свое впечатлѣніе отъ очень интереснаго сочиненія калязинскаго протоіерея Беллюстина. Это сочиненіе подъ заглавіемъ: „Описаніе сельскаго духовенства въ Россіи", по условіямъ цензуры могло появиться только заграницей, но быстро, хотя и контрабандою, распространилось у насъ среди интеллигентныхъ людей[1]). Но предоставимъ слово самому почтенному автору. Беллюстинъ „часто называетъ архіереевъ русской церкви книжниками и фарисеями, возсѣдающими на Моисеевомъ сѣдалищѣ, а то и Макіавелями и сатрапами въ рясахъ, у которыхъ одинъ принципъ: pereat ecclesia, fiat nostra voluntas". Затѣмъ о. Пѣвницкій указываетъ на существованіе мнѣнія, что будто эта книга возводитъ хулу на русскую церковь, позоря ея въ лицѣ ея іерарховъ. Но нашъ авторъ не соглашается съ этимъ и говоритъ: „всѣ, прочитавшіе эту книгу, не нашли въ ней никакой хулы, а нашли только одну колкую и рѣзкую правду о современныхъ и прежнихъ архіереяхъ, которые уклонились отъ своего истиннаго пути образа великаго архіерея и первосвященника Христа, Который не только не заставлялъ ни-

---

1) Нашъ библіографъ Д. Д. Языковъ говоритъ, что „записка" Беллюстина появилась въ Парижѣ, въ 1858 г. и притомъ безъ разрѣшенія автора. Обзоръ трудовъ русск. писателей. Вып. 10, стр. 7. М. 1907.

кого пресмыкаться предъ Нимъ, но всѣмъ говорилъ, и особенно апостоламъ, что Онъ пришелъ не для того, чтобы Ему служили, но всѣмъ послужить и что въ христіанской церкви кто первый, тотъ да будетъ всѣмъ слуга". Въ заключеніе авторъ приводитъ слѣдующее извѣстіе. „Не нашелъ, какъ говорили тогда, никакой хулы на церковь въ этой книгѣ и великій императоръ Александръ II, когда онъ прочиталъ ее. И затѣмъ приказалъ секретнымъ порядкомъ разослать по экземпляру этой книги каждому архіерею съ наказомъ: имѣть ее у себя, какъ книгу настольную"[1]). Такимъ образомъ, на повѣрку выходитъ, что правъ былъ оберъ-прокуроръ Протасовъ, который „смотрѣлъ на архіереевъ, какъ на касту, угнетавшее бѣлое духовенство и который радъ былъ преслѣдовать ихъ за злоупотребленіе властію". Сужденіе о. протоіерея Пѣвницкаго не сдѣлалось анахронизмомъ и въ отношеніи къ нашему времени. Въ „Церк. Вѣстникѣ" за 1906 годъ, мы встрѣтили слѣдующую горькую тираду, едвали заключающую въ себѣ преувеличеніе: „Владыки святые (обращеніе къ архіереямъ)! Забудьте хоть теперь, въ это страшное время, о своихъ привилегіяхъ и подумайте о несчастномъ народѣ, который, истомившись отъ духовнаго голода, погружается въ безпросвѣтную тьму безвѣрія. Православной церкви грозитъ великая опасность. Горе намъ, если мы не постараемся отвратить ее"[2]). Но всѣ эти и подобныя возгласы останутся голосомъ вопіющимъ въ пустынѣ, если епископы, наконецъ, не сдѣлаются, чѣмъ должны быть— образцами въ жизни для руководимаго ими народа. Великій христіанскій сердцевѣдецъ, св. Іоаннъ Златоустъ не даромъ много разъ повторялъ мысли въ родѣ слѣдующихъ. „Подчиненный народъ большею частію привыкъ смотрѣть на поведеніе своихъ начальниковъ, какъ на нѣкоторый образецъ и подражать имъ. Поэтому и люди, ведущіе частную и недѣятельную жизнь, уединеніемъ прикрываютъ свои грѣхи (рѣчь идетъ у него о монахахъ); но бывъ поставлены на видъ (т. е. ставъ архіереями), бываютъ принуждены обнаружить для всѣхъ души свои посредствомъ дѣйствій. Какъ добрыя дѣла ихъ приносятъ пользу, побуждая многихъ къ соревнованію, такъ

---

[1]) Записки (въ прежде указан. изданіи), стр. 541—542.
[2]) Ц. В. 1906, № 33, ст. 1071.

и проступки ихъ дѣлаютъ болѣе нерадивыми о дѣлахъ добродѣтели. Посему душа священника[1]) должна со всѣхъ сторонъ блистать красотою, дабы она могла просвѣщать души взирающихъ на него. Грѣхи людей незначительныхъ, совершаемые какъ бы во мракѣ, губятъ однихъ только согрѣшающихъ, а грѣхи человѣка значительнаго и многимъ извѣстнаго (т. е. епископа) наносятъ всѣмъ общій вредъ, дѣлая падшихъ болѣе нерадивыми о подвигахъ, а внимательныхъ къ себѣ располагаютъ къ гордости. Поэтому священникъ[2]) долженъ оградить себя со всѣхъ сторонъ тщательною бдительностію и постояннымъ бодрствованіемъ надъ своею жизнію. Итакъ во священство должны быть избираемы такія души, какими, по благодати Божіей, оказались нѣкогда тѣла святыхъ отроковъ въ пещи вавилонской" (Дан. 3, 22—46)[3]). Эта истина объ отрицательномъ вліяніи недостойныхъ епископовъ на своихъ пасомыхъ всегда сознавалась въ церкви; но отъ сознанія ея рѣдко улучшалось положеніе вещей. Вождямъ церкви нужно стать на высотѣ своего призванія. А это будетъ только тогда, когда самое понятіе власти, отданной въ ихъ руки, совершенно измѣнится. Не безъ основанія говорятъ, что власть вообще портитъ, или даже развращаетъ людей; пусть же власть, и власть очень большая, вождей церкви будетъ служить лишь на пользу и благо подчиненныхъ. Власть эта должна быть абсолютно чужда властительства (по регламенту, „спѣси"). Она должна быть такимъ же подвигомъ, какимъ ознаменовали себя, не говорю: св. апостолы, этого ужъ слишкомъ много, — мужи апостольскіе, Діонисій Александрійскій, Кипріанъ Карѳагенскій, Аѳанасій и Василій великіе, Иларій Пуатьерскій, Іоаннъ Златоустъ, Амвросій Медіоланскій, Августинъ Иппонскій и др. Нужно, чтобы, оканчивая свою святительскую дѣятельность, епископъ съ спокойною совѣстію могъ сказать самому себѣ и Сердцевѣдцу: „подвигомъ добрымъ подвизахся". (2 Тим. 4, 7). Власть архіерея, сообразная своему идеалу, должна походить

---

[1]) Нужно твердо помнить, что слово: „священникъ" вездѣ у Златоуста употребляется въ значеніи: „епископъ". Поэтому его „Слова о священствѣ" суть слова о епископской должности. Такое же значеніе слова: священникъ встрѣчаемъ во всѣхъ актахъ вселен. соборовъ.

[2]) См. предъидущее примѣчаніе.

[3]) Творен. его. Т. I, стр. 426. Спб., 1895.

на власть отца семейства, на власть школьнаго учителя, самоотверженно отдающаго себя своему дѣлу. Вообще вожди церкви долженъ знать и помнить, что его назначеніе и обязанности характеризуются краткими, но многознаменательными словами: *паси овцы моя* (Іоан., 21, 16); а это значитъ единственно то, что „пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы“ свои (Іоан. 10, 11).

У насъ очень многіе обѣщаютъ себѣ улучшенія церковныхъ дѣлъ отъ предстоящаго всероссійскаго собора. Но мы не принадлежимъ къ оптимистамъ въ этомъ отношеніи. Высшею церковною властію для дѣятельности этого собора указаны такія задачи, которыя не прилежатъ къ центру церковной жизни, а касаются лишь ея периферій. Во всякомъ случаѣ было бы очень благодѣтельно для церкви, если этотъ или ближайшій къ нему по времени русскій церковный соборъ ввелъ избраніе архіереевъ путемъ народнаго голосованія, точно и разумно урегулированнаго. Это безъ сомнѣнія повело бы къ сближенію и установленію болѣе теплыхъ отношеній между епископомъ и его подчиненными. Конечно, избраніе епископа народомъ не есть панацея въ отношеніи къ церковнымъ болѣзнямъ. Но съ этого, безъ сомнѣнія, нужно начать церковную реформу въ Россіи. Это избраніе должно положить начало серьозному контролю общества, т. е. духовенства и вѣрующихъ, надъ архіереями, нерѣдко забывающими въ настоящее время, что они существуютъ для служенія церкви. Но этого одного еще мало. Нужно, чтобы наши архіереи всегда, т. е. и по избраніи ихъ голосомъ общественнымъ, оставались подъ бдительнымъ контролемъ народа и духовенства своей епархіи. Нужно чтобы архіереи помнили и знали, что въ случаѣ, если они перестанутъ отвѣчать своему назначенію, они могутъ лишиться своей каѳедры, какъ и всякій другой чиновникъ и общественный дѣятель. Говоря такъ, мы вовсе не требуемъ чего-либо необыкновеннаго, введенія какого-либо новшевства. Церковная исторія показываетъ, что подобнаго рода контроль былъ извѣстенъ въ древности. Въ I и II вѣкѣ мы встрѣчаемъ не только пресвитеровъ, но и епископовъ, лишившихся своихъ должностей, какъ скоро они впадали въ немилость у управляемаго ими народа.[1])

[1]) Лебедевъ А. Духовенство древней церкви, стр. 107—108.

Подобное же встрѣчаемъ въ IV вѣкѣ, когда паства извѣстной мѣстности находила, что ея епископъ сдѣлался неработоспособенъ[1]). Григорій Богословъ, при одномъ случаѣ пишетъ: „если ты силенъ, гони другого, не смотря на то, что онъ много трудился на престолѣ, подвижникъ и добрый священникъ“ (т. е. архіерей).[2]) Этотъ писатель говоритъ здѣсь объ изгнаніи въ смыслѣ саркастическомъ, представляя, что изгоняется съ каѳедры „добрый“, достойный архіерей. Но, конечно, онъ не сталъ бы ничего имѣть, если-бы такому изгнанію подвергся недостойный своего сана епископъ. Безъ сомнѣнія, такіе примѣры бывали, причемъ дѣло происходило по волѣ и рѣшенію паствы. Дѣянія всел. соборовъ указываютъ, что бывали такіе случаи, когда паства настаивала на отреченіи архіерея отъ каѳедры и всел. соборъ не выражалъ негодованія противъ требовательной и настойчивой паствы. Такъ III всел. соборъ, по одному случаю, имѣлъ разсужденіе объ отставномъ митрополитѣ Евстаѳіи, принадлежавшемъ къ памфилійской области. Но что собственно привело этого архіерея къ отставкѣ? Объ этомъ соборъ говоритъ обиняками. Объ Евстаѳіи замѣчается, что „онъ былъ смущенъ, вошедши въ неожиданныя обстоятельства“— разумѣются, очевидно, какія-то новыя условія жизни, къ которымъ онъ не привыкъ; эти обстоятельства такъ сказать совсѣмъ захлестнули его. Въ чемъ же дѣло, это опредѣленіе выражается въ указаніи собора, что Евстаѳій сдѣлался „небреженъ“—это правда, но „не по лѣности и не по нерадѣнію“, а по любви къ „уединенію“ (или отчужденности: употребленное здѣсь греческое слово ἀπραγμοσύνη значитъ— уединеніе, удаленіе). Теперь понятно, что Евстаѳій, любя уединенную подвижническую жизнь, взятый можетъ быть на архіерейство прямо изъ монастыря, своими противообщественными стремленіями могъ создать себѣ враговъ, сталъ тяготиться непривычными заботами о долгѣ, сдѣлался небреженъ. И вотъ паства потребовала, чтобы онъ опросталъ каѳедру—и онъ долженъ былъ повиноваться[3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 150. Сличи правила: т. наз. Апост. 36; Антіох. собора, пр. 18.
[2]) Творен. томъ VI, стр. 78.
[3]) Дѣян. всел. соборовъ Т. II, 20–21. Каз., 1861.

Во всякомъ случаѣ было-бы желательно, чтобы усилился контроль церковной общины надъ архіереями. Мы вообще не понимаемъ: станетъ ли честный, благородный, преданный своему дѣлу человѣкъ бояться кокого-либо контроля? Тѣмъ менѣе станетъ бояться такого контроля епископъ, который, по сужденію Григорія Богослова, долженъ быть „совершенъ, много трудиться на престолѣ, небошественъ, презритель міра и добрый священникъ Царя небеснаго.“ Если кто изъ архіереевъ, оцѣниваемый съ точки зрѣнія духа времени, потребностей и запросовъ его, оказывается, въ большей или меньшей мѣрѣ, не соотвѣтствующимъ этому идеалу епископа, то, безъ сомнѣнія, лучше было бы для него и не возлагать на свои рамена бремени епископства. Не безъ основанія же 2-е правило VII всел. собора гласитъ: „если хиротонисуемый епископъ обнаружитъ колебаніе и не выразитъ радостной готовности такъ поступать и учить (какъ требуютъ правила), то пусть не хиротонисуется, потому что Богъ изрекъ: *ты умѣніе отверъ еси*: отвергу и Азъ тебе, *еже не жречествовати Мнѣ*.“ (Ос. 4, 6).

Библиотека ООН
Академии Наук СССР